

P. o. russ.

164

Р

Е. А. Баратынский

С. Г.

P. O. Muss. 164 e

<36609851940011

<36609851940011

Bayer. Staatsbibliothek

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЕВГЕНІЯ АБРАМОВИЧА

БАРАТЫНСКАГО.

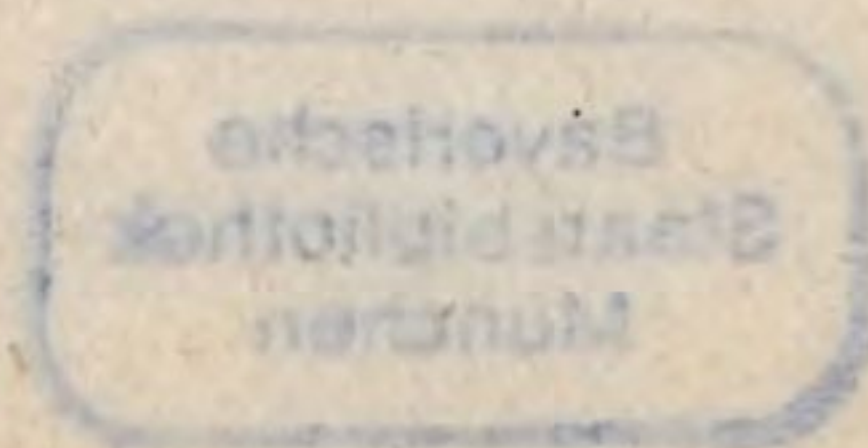
Ф8194/50.291

СТИХОТВОРЕНІЯ
ЕВГЕНІЯ АБРАМОВИЧА
БАРАТЫНСКАГО.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ,

1883.

Дозволено цензурой. Москва, мая 7-го дня 1883 г.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТИХОТВОРЕНІЙ БАРАТЫНСКАГО.

	Стр.
1. Финляндія.....	1
2. Деревня. (Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ)	6
3. Лидъ	10
4. Водопадъ	12
5. Отъѣздъ (Прощай, отчизна непогоды).....	14
6. Дельвигу	17
7. Разувѣреніе (Не искушай меня безъ нужды).....	20
8. Весна (На звукъ цѣвницы голосистой).....	22
9. Лета	25

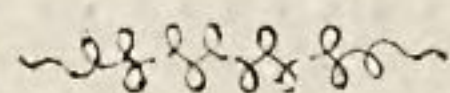
	Стр.
10. Двѣ доли.....	26
11. Истина	29
12. Фея	33
13. Нѣтъ, обманула васъ молва.....	35
14. Мы пьемъ въ любви отраву сладкую.....	36
15. Черепъ	37
16. Звѣзда	40
17. Елизійскія поля	43
18. Аврорѣ Шериваль.....	47
19. Надпись къ портрету Грибоѣдова.....	48
20. Прогоны жизни.....	49
21. Ожиданіе (Она придетъ).....	50
22. Не трогайте Парнасскаго пера.....	51
23. Д. В. Давыдову	52
24. А. А. Воейковой.....	54
25. Когда взойдетъ денница золотая.....	55
26. Наяда	58

	Стр.
27. И ты поэтъ, и онъ поэтъ.....	59
28. Богдановичу	60
29. Ты ропщешь, важный журналистъ	67
30. А. Н. Муравьеву	68
31. Какъ сладить съ глупостью глупца?.....	70
32. Разлука (Разстались мы).....	71
33. Сей поцѣлуй, дарованный тобою.....	72
34. Любви примѣты.....	73
35. Возвращеніе (На кровы ближняго селенья).....	75
36. Какъ много ты въ немного дней	76
37. Идилликъ новый на искусь.....	77
38. Эпиграмма.....	78
39. Последняя смерть.....	79
40. Родина (Судьбой наложенныя цѣпи).....	86
41. Люблю деревню я и лѣто	90
42. Старикъ	91
43. Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ.	93

	Стр.
44. Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ.....	94
45. Глупцы не чужды вдохновенья.....	95
46. Не подражай: своеобразенъ геній.....	96
47. Княгинѣ З. А. Волконской.....	97
48. Смерть	100
49. Хвала, маститый нашъ Зоиль!	104
50. Отрывокъ (Онъ и Она).....	105
51. Муза	115
52. К. А. Свербеевой.....	116
53. Журналисты.....	118
54. Чудный градъ порой сольется.....	119
55. Подражателямъ.....	120
56. Въ дни безграничныхъ увлеченій.....	122
57. На смерть Гёте.....	124
58. Запустѣніе (Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь)	127
59. Наслаждайтесь: все проходить!.....	132
60. Къ чему невольнику мечтаніе свободы.....	134

	Стр.
61. Сердечнымъ, нѣжнымъ языкомъ	136
62. Когда исчезнетъ омраченье.....	138
63. Я не любилъ ее я зналъ	140
64. Болящій духъ врачуетъ пѣснопѣнье.....	142
65. Къ Н. Л. Баратынской (О вѣрь, ты нѣжная)	143
66. Есть милая страна, есть уголъ на землѣ.....	144
67. Гдѣ сладкій шопоть.....	147
68. Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ!.....	151
69. Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ.....	154
70. Сумерки (Стихотворенія 1835—1842). Послѣдній поэтъ..	155
71. Предразсудокъ! Онъ обломокъ.....	161
72. Примѣты (Пока человѣкъ естества не пыталъ).....	162
73. Филлида, съ каждою зимою	165
74. Бокалъ.....	166
75. Были бури, непогоды.....	170
76. На что вы дни? Юдольный мѣръ явленья.....	171
77. Ахиллъ.....	173

	Стр.
78. Сначала мысль воплощена	175
79. Еще какъ патріархъ не древень я	176
80. Осень	177
81. Молитва (Царь небесъ, успокой)	189
82. Память поэту (Лермонтову)	190
83. Спасибо злобѣ хлопотливой	192
84. Люблю я васъ, богини цѣнья	194
85. На посѣвъ лѣса	196
86. Н. Л. Баратынской (Когда дитя и страсти, и сомнѣнья)	199
87. Пироскафъ	200
88. Дядькѣ-Итальянцу	203

ФИНЛЯНДІЯ.

(1820)

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
Граниты Финскіе, граниты вѣковые,
Земли ледянаго вѣнца
Богатыри сторожевые.

Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его, поклонъ
Громадамъ міру современнымъ:
Подобно имъ да будетъ онъ
Во всѣ години неизмѣннымъ!

Какъ все вокругъ меня плѣняетъ чудно взоръ!
Тамъ необъятными водами
Слилося море съ небесами;
Тутъ съ каменной горы къ нему дремучій боръ
Сошелъ тяжелыми стопами,
Сошелъ — и смотрится въ зеркалѣ гладкихъ водъ.
Ужъ поздно, день погасъ; но ясенъ неба сводъ.
На скалы Финскія безъ мрака ночь нисходитъ
И только что себѣ въ уборъ
Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
На небосклонъ она выводитъ.

Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
Грозы народовъ отдаленныхъ!
Такъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвященныхъ!

Умолкъ призывный щить, не слышенъ Скальда гласъ,
Воспламененный дубъ угасъ,
Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики,
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ,
И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженные лики.

И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ!
О вы, носившіе отъ берега къ берегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.
Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой?
Вы-ль? Дайте мнѣ отвѣтъ, услышите голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ,

Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ печальны вы? Зачѣмъ я прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылись въ обители тѣней,
И ваши имена не пощадило время!
Что-жъ наши подвиги, что слава нашихъ дней,
Что наше вѣтренное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья,
Во всемъ миѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!

Но я, въ безвѣстности, для жизни жизнь любя,
Я беззаботливой душою
Вострепещу-ль передъ судьбою?
Не вѣчный для время, я вѣченъ для себя.

Не одному-ль воображенью
Гроза ихъ что-то говорить?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью!

Что́ нужды до былыхъ иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами;
Я, не внимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

ДЕРЕВНЯ.

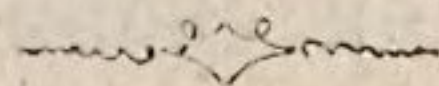
(1821).

Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ,
Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ!
Я возвращуся къ вамъ, домашнія иконы!
Пускай другіе чтутъ приличія законы,
Пускай другіе чтутъ ревнивый судъ невѣждъ;
Свободный наконецъ отъ суетныхъ надеждъ,
Отъ безпокойныхъ сновъ, отъ вѣтреныхъ желаній,
Испивъ безвременно всю чашу испытаній,
Не призракъ счастья, но счастье нужно мнѣ.
Усталый труженикъ, сиѣшу къ родной странѣ
Заснуть желаннымъ сномъ, подъ кровлею родимой.

О домъ отеческій, о край всегда любимый!
Родныя небеса! Незвучный голосъ мой,
Въ стихахъ задумчивыхъ, васъ пѣлъ въ странѣ чужой;
Вы мнѣ повѣте спокойствіемъ и счастьемъ.
Какъ въ пристани пловецъ, испытанный ненастьемъ,
Съ улыбкой слушаетъ, надъ бездною возсѣвъ,
И бури грозный свистъ, и волнъ мятежный ревъ:
Такъ, небо не моля о почестяхъ и златѣ,
Спокойный домосѣдъ, въ моей безвѣстной хатѣ,
Укрывшись отъ толпы взыскательныхъ судей,
Въ кругу друзей своихъ, въ кругу семьи своей,
Я буду издали глядѣть на бури свѣта.
Нѣтъ, нѣтъ, не отмѣню священнаго обѣта!
Пускай летитъ къ шатрамъ безтрепетный герой,
Пускай кровавыхъ битвъ любовникъ молодой
Съ волненьемъ учится, губя часы златые,
Наукѣ размѣрять окопы боевые:

Я съ дѣтства полюбилъ сладчайшіе труды.
Прилежный, мирный плугъ, взрывающій бразды,
Почтеніе меча; полезный въ скромной долѣ,
Хочу воздѣлывать отеческое поле.
Оратай, ветхихъ дней достигшій надъ сохой,
Въ заботахъ сладостныхъ наставникъ будетъ мой.
Мнѣ дряхлаго отца сыны трудолюбивы
Помогутъ утучнять наслѣдственные нивы.
А ты, мой старый другъ, мой вѣрный доброхотъ,
Усердный пестунъ мой, ты, первый огородъ
На отческихъ поляхъ разведшій въ дни былые!
Ты поведешь меня въ сады свои густые,
Деревьевъ и цвѣтовъ расскажешь имена.
Я самъ, когда съ небесъ роскошная весна
Повѣтъ нѣгою воскреснувшей природѣ,
Приду съ тобой садить кореня и цвѣты.

О подвигъ благодѣльный, не тщетнѣ будешь ты!
Богиня пажитей признательнѣй Фортуны.
Для нихъ безвѣстный вѣкъ, для нихъ свирѣль и струны;
Онѣ доступны всѣмъ, и мнѣ за легкій трудъ
Цвѣтами сочными обильно воздадутъ.
Отъ грядъ и застѣна спѣшу къ полямъ и плугу;
А тамъ, гдѣ ручеекъ по бархатному лугу
Катить задумчиво пустынные струи,
Въ весенній ясный день, я самъ, друзья мои,
У берега насажу лѣсокъ уединенный,
И липу свѣжую, и тополь осребренный.
Въ тѣни ихъ отдохнетъ мой правнукъ молодой.
Тамъ дружба нѣкогда сокроетъ пепель мой,
И вмѣсто мрамора, положить на гробницу
И мирный заступъ мой, и мирную цѣвницу.

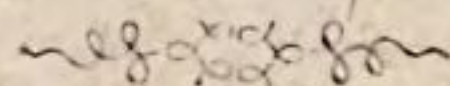
Л И Д Ъ.

(1821)

Мой дѣтскій вызовъ мнѣ пріятенъ,
Но не желай моихъ стиховъ:
Немногимъ избраннымъ понятенъ
Языкъ поэтовъ и боговъ.
Когда подъ звонкіе напѣвы,
Подъ звукъ свирѣли плясовой,
На муравѣ рука съ рукою,
Кружатся юноши и дѣвы:
Вмѣшавшись въ рѣзвый хороводъ,
Хариты, вѣтреный Эротъ,
Дріады, Фавны пляшутъ съ ними
И гонятъ прочь толпу заботъ
Воскликновеньями своими;

Поодаль Музы между тѣмъ,
Таяся въ сумракѣ дубравы,
Глядятъ, незримыя никѣмъ,
На ихъ невинныя забавы;
Но ихъ соборъ въ то время нѣмъ.

Пѣвцу-ли вѣтренно безславить
Плоды возвышенныхъ трудовъ
И легкомысліе забавить
Игрою гордою стиховъ?
И той нерѣдко, чье возрѣнье
Даруетъ лирѣ вдохновенье,
Не повѣряетъ онъ его:
Поётъ одинъ, подобный въ этомъ
Пчелѣ, которая со цвѣтомъ
Не дѣлитъ меда своего.

В О Д О П А Д Ъ.

(1821)

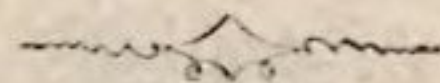
Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ съдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзвонъ долины.

Я слышу: свищетъ Аквилонъ,
Качаетъ елю скрипучей,
И съ непогодою ревучей
Твой ревъ мятежный соглашонъ.

Зачѣмъ, съ безумнымъ ожиданьемъ
Къ тебѣ прислушиваюсь я?
Зачѣмъ трепещетъ грудь моя
Какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ?

Какъ очарованный стою
Надъ дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцемъ разумѣю
Рѣчь безглагольную твою.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

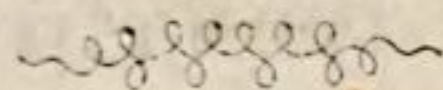
О Т Ъ Ъ З Д Ъ.

(1821)

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Гдѣ дочь любимая природы,
Безжизненна весна;
Гдѣ солнце не-хотя сіяетъ,
Гдѣ сосенъ вѣчный шумъ,
И моря ревъ, и все питаетъ
Безумье мрачныхъ думъ;
Гдѣ, отлученный отъ отчизны
Враждебною судьбой,

Изнемогалъ безъ укоризны
Изгнанникъ молодой;
Гдѣ позабыть молвой гремучей,
Но все душой пѣть,
Своею Музою летучей
Онъ не былъ позабыть!
Теперь, для сладкаго свиданья
Спѣшу къ странѣ родной;
Въ воображеньи край изгнанья
Послѣдуетъ за мной:
И камней мшистыя громады,
И видъ полей нагихъ,
И вѣковые водонады,
И шумъ угрюмый ихъ!
Я вспомню съ тайнымъ сладострастьемъ
Пустынную страну,

Гдѣ я въ размолвѣ съ тихимъ счастьемъ
Провелъ мою весну;
Но гдѣ порою житель неба,
Наперекоръ судьбѣ,
Не измѣнилъ питомецъ Феба
Ни Музамъ, ни себѣ.

ДЕЛЬВИГУ.

(1821)

Напрасно мы, Дельвигъ, мечтаемъ найти
Въ сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не дѣлятся имъ
Съ земными дѣтьми Прометея.

Похищенной искрой созданье свое
Дерзнулъ оживить безразсудный;
Безсмертныхъ онъ презрѣлъ, и страшная казнь
Постигнула чадъ святотатства.

Нашъ тягостный жребій: положенный срокъ
Питаться болѣзненной жизнью,
Любить и лелѣять недугъ бытія
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слѣпыя рабы,
Рабы самовластнаго рока!
Земнымъ ощущеньямъ насильственно насъ
Случайная жизнь покоряетъ.

Но въ искрѣ небесной пріяли мы жизнь,
Намъ памятно небо родное:
Въ желаніи счастья мы вѣчно къ нему,
Стремимся неяснымъ желаньемъ!....

Вотще! Мы надолго отвержены имъ!

Сіяетъ красою надъ нами;

На бренную землю безпечно оно

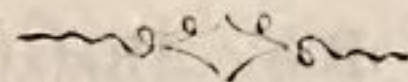
Торжественно сводъ опираетъ....

Но намъ недоступно! Какъ алчный Танталъ

Стараетъ средь влаги прохладной:

Такъ, сердцемъ постигнувъ блаженнѣйшій міръ,

Томимся мы жаждою счастья.

РАЗУВѢРЕНІЕ.

(1821)

Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей:
Разочарованному чужды
Всѣ обольщенья прежнихъ дней!
Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
Ужъ я не вѣрую въ любовь,
И не могу предаться вновь
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ!
Слѣпой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнемъ слова,

И, другъ заботливый, больнова
Въ его дремотѣ не тревожь!
Я сплю, мнѣ сладко усыпленье.
Забудь бывалыя мечты:
Въ душѣ моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

В Е С Н А.

(1823)

На звукъ цѣвницы голосистой,
Толпой забавъ окружена,
Летитъ прекрасная весна,
Благоухаетъ воздухъ чистый,
Земля воздвиглась ото сна.

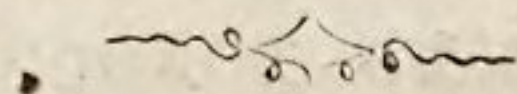
Утихли вьюги и метели,
Текутъ потоками снѣга;
Опять въ горахъ трубятъ рога,
Опять зефиры налетѣли
На обновленные луга.

Надъ урной мшистою Наяда
Проснулась въ сумракѣ, вѣтвей,
Стрясаетъ иней съ кудрей,
И, разломавъ оковы хлада,
Заговорилъ ея ручей.

Восторги духъ мой пробудили!
Звучать и блещутъ небеса;
Пѣвцовъ пернатыхъ голоса,
Пастушьи пѣсни огласили
Долины, горы и лѣса.

Лишь ты, увядшая Климена,
Лишь ты, въ печаль облечена,
Весны не празднуешь одна!
Тобою младости измѣна
Еще судьбѣ не прощена!

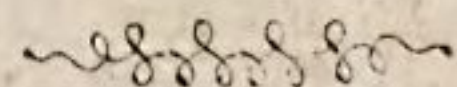
Унынье въ грудь къ тебѣ тѣснится,
Не видишь ты красы луговъ.
О если-бъ щедростью боговъ
Могла ко смертнымъ возвратиться
Пора любви съ порой цвѣтовъ?

Л Е Т А.

(1823)

Душъ холодныхъ упованье,
Непріязненный ручей,
Чье докучное журчанье
Усыпляетъ Элизей!
Такъ, достоинъ ты укора:
Для чего въ твоихъ водахъ
Погибаетъ безъ разбора
Память горестей и благъ?
Прочь съ нещаднымъ утѣшеніемъ!
Я минувшее люблю
И во вѣкъ утѣхъ забвеніемъ
Мукъ забвенья не куплю.

ДВѢ ДОЛИ.

(1823)

Дало двѣ доли Провидѣніе
На выборъ мудрости людской:
Или надежду и волненіе,
Иль безнадѣжность и покой.

Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей,
Кто бодръ неопытнымъ умомъ,
Лишь по молвѣ разновѣщающей
Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.

Надѣйтесь, юноши кипящіе!
Летите: крылья вамъ даны;

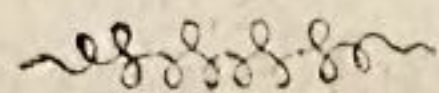
Для васъ и замыслы бестящіе,
И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету утѣхъ, печали власть,
Вы, знанье бытія пріавшіе
Себѣ на тягостную часть!

Гоните прочь ихъ рой прельстительный.
Такъ, доживайте жизнь въ тиши,
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.

Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ труны мертвыхъ изъ гробовъ,
Христа словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ:

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія,
Для боли новой прежнихъ ранъ.

И С Т И Н А.

(1824)

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынь бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ;
Надеждъ своихъ лишень я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

„Безумень ты и всѣ твои желанья“,
Мнѣ первый опытъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
О юныхъ снахъ слѣпое сожалѣнье
За чѣмъ живетъ во мнѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ ронтапьемъ
Я жребій тяжкій свой,
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.

„Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала) „Захочу
„И страстнаго отрадному безстрастью
„Тебя я научу.

„Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,

Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.

„Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой“.

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: „О гостя роковая,
Печаленъ твой привѣтъ!

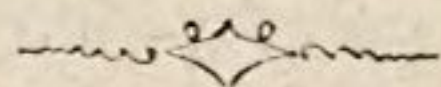
„Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный!
Всѣхъ радостей земныхъ!

Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.

„Нѣтъ, я не твой! Въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моею дорогою
Одинъ я побреду.

„Прости! Иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ;

„Явись тогда! Раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ, жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.“

Ф Е Я.

(1824)

Порою ласковую Фею
Я вижу въ обаяньи сна,
И всей наукою своею
Служить готова мнѣ она.
Душой обманутой ликуя,
Мои мечты ей лепечу я.
Но что же? Странно и во снѣ
Непокупное счастье мнѣ:
Всегда дарамъ своимъ предложить
Условье нѣкое она,

Которымъ, злобномышлена,
Ихъ отравить иль уничтожить.

Знать, самымъ духомъ мы рабы
Земной насмѣшливой судьбы;
Знать, міру явному дотолѣ
Нашъ бѣдный умъ порабощенъ,
Что переноситъ по неволѣ
И въ міръ мечты его законъ!

Нѣтъ, обманула васъ молва:
По прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.

Другимъ курилъ я ѳиміамъ,
Но васъ носилъ въ святынѣ сердца,
Молился новымъ образамъ,
Но съ безпокойствомъ старовѣрца.

(1824)

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую,
Но все отраву пьемъ мы въ ней,
И платимъ мы за радость краткую
Ей безвесельемъ долгихъ дней.
Огонь любви—огонь живительный,
Всѣ говорятъ; но что мы зримъ?
Опустошаетъ, разрушительный,
Онъ душу объятую имъ!
Кто заглушить воспоминанія
О дняхъ блаженства и страданія,
О чудныхъ дняхъ твоихъ, любовь?
Тогда я ожилъ бы для радости,
Для сновъ златыхъ цвѣтущей младости,
Тебѣ открылъ бы душу вновь.

(1824)

Ч Е Р Е П Ъ.

(1825)

У соншій братъ, кто сонъ твой возмутить?
Кто пренебрегъ святынею могильной?
Въ разрытый домъ къ тебѣ я приходилъ,
И въ руки бралъ твой черепъ желтый, пыльный!

Еще носилъ волосъ остатки онъ;
Я зрѣлъ на немъ ходъ постепенный тлѣнья:
Ужасный видъ! Какъ сильно пораженъ
Имъ мыслящій наслѣдникъ разрушенья!

Со мной толпа безумцевъ молодыхъ
Надъ ямою безумно хохотала:

Когда-бъ тогда, когда-бъ въ рукахъ моихъ
Глава твоя внезапно провѣщала!

Когда-бъ она цвѣтущимъ, пылкимъ намъ
И каждый часъ грозимымъ смертнымъ часомъ,
Всѣ истины извѣстныя гробамъ
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ!

Что говорю? Стократно благу законъ,
Молчаньемъ ей уста запечатлѣвшій;
Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ
Намъ почитать издревле повелѣвшій.

Живи живой, спокойно тлѣй мертвецъ!
Всесильнаго ничтожное созданье,

О человекъ, увѣрься наконецъ:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!

Намъ надобны и страсти, и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ, и тишину кладбища!

Природныхъ чувствъ мудрецъ не заглушить
И отъ гробовъ отвѣта не получить:
Пусть радости живущимъ жизнь дарить,
А смерть сама ихъ умереть научить.

~~~~~

З В Ъ З Д А.

(1825)

Взгляни на звѣзды: много звѣздъ
Въ безмолвіи nocturno
Горитъ, блеститъ кругомъ луны,
На небѣ голубомъ.

Взгляни на звѣзды: между нихъ
Милѣ всѣхъ одна!
За что-же? Ранѣ встаетъ,
Ярчѣй горитъ она?

Нѣтъ, утѣшаетъ свѣтъ ея
Разставшихся друзей:

Ихъ взоры, въ синей вышинѣ,
Встрѣчаются на ней.

Она на небѣ чуть видна,
Но съ думою глядитъ,
Но взору шлетъ отвѣтный взоръ
И нѣжностью горитъ.

Съ нея въ лазоревую ночь
Не сводимъ мы очесъ,
И провожаемъ мы ее
На небо и съ небесъ.

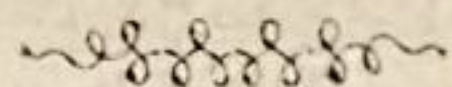
Себѣ звѣзду избралъ-ли ты?
Въ безмолвіи nocturno,

Ихъ много блещетъ и горитъ
На небѣ голубомъ.

Не первой вставшей сердце ввѣрь,
И, суетный въ любви,
Не лучезарнѣйшую всѣхъ
Своею назови.

Ту назови своей звѣздой,
Что съ думою глядитъ,
И взору шлетъ отвѣтный взоръ,
И нѣжностью горитъ.

Е Л И З І Й С К І Я   П О Л Я .

(1825)

Вѣжить невѣрное здоровье,
И каждый день готовлюсь я
Свершить послѣднее условье,
Законъ послѣдній бытія.
Ты не спасешь меня, Киприда!
Пробьютъ урочные часы,
И низойдетъ къ брегамъ Анда
Пѣвецъ веселья и красы.

Простите, вѣтренные друзья,
Съ кѣмъ беззаботно въ жизни сей

Дѣлилъ я шумные досуги
Разгульной юности моей!
Я не страшуся новоселья;
Гдѣ-бъ ни жилъ я, мнѣ все равно:
Тамъ тоже славить отъ бездѣлья
Я стану дружбу и вино.
Не измѣнясь въ подземномъ мірѣ,
И тамъ, на шаловливой лирѣ,
Превозносить я буду вновь
Покойной Дафнѣ и Темирѣ
Неприхотливую любовь.

О Дельвигъ! Слезы мнѣ не нужны;
Вѣрь: въ закоцитной сторонѣ
Пріемъ радушный будетъ мнѣ:
Со мною Музы были дружны!

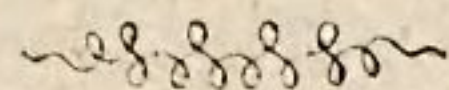
Тамъ, въ очарованной тѣни,
У струй, гдѣ нѣжятся поэты,
Прочту Катуллу и Парни
Мои небрежные куплеты,
И улыбнутся мнѣ они.

Когда изъ таинственной сѣни,
Отъ темныхъ Орковыхъ полей,
Здѣсь навѣщать своихъ друзей
Порою могутъ наши тѣни:
Я навѣщу, о други, васъ,
Сыны забавы и веселья!
Когда для шумнаго похмѣлья
Вы соберетесь въ праздный часъ,
Приду я съ вами Вакха славить.
А къ вамъ молитва объ одномъ:

Приборъ покойнику оставить
Не позабудьте за столомъ.

Межъ тѣмъ за тайными берегами,
Друзей вина, друзей пировъ,
Веселыхъ, добрыхъ мертвецовъ
Я подружу заочно съ вами.
И вамъ, чрезъ день или другой,
Законъ губительный Зевеса
Велитъ покинуть міръ земной.
Мы встрѣтимъ васъ у вратъ Айдеса
Знакомой, дружеской толпой;
Наполнимъ радостныя чаши,
Хвала свиданью возгремить,
И огласятъ привѣты наши
Весь необъемлемый Аидъ!

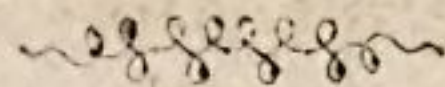

АВРОРЪ ШЕРНВАЛЬ.

(1825)

Вьдь, дохни намъ упоеньемъ,
Соименница зарн;
Всѣхъ румянымъ появленьемъ
Оживи и озари!

Пылкій юноша не сводить
Взоровъ съ милой и порой
Мыслить съ тихою тоской:
„Для кого она выводитъ
Солнце счастья за собой?“

НАДПИСЬ.

Къ портрету Грибоѣдова.

(1826)

Взгляни на ликъ холодный сей,
Взгляни: въ немъ жизни нѣтъ.
Но какъ на немъ былыхъ страстей
Еще замѣтенъ слѣдъ!

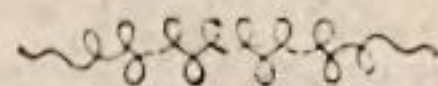
Такъ ярый токъ, оледенѣвъ,
Надъ бездною виситъ,
Утративъ прежній грозный ревъ,
Храня движенья видъ.

~~~~~

ПРОГОНЫ ЖИЗНИ.

(1826)

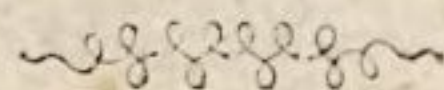
Въ дорогу жизни снаряжая
Своихъ сыновъ, безумцевъ насъ,
Сновъ золотыхъ судьба благая
Даетъ извѣстный намъ запасъ:
Насъ быстро годы почтовые
Съ корчмы довозятъ до корчмы,
И снами тѣми роковые
Прогонны жизни платимъ мы.

О Ж И Д А Н І Е.

Подражаніе Парни.

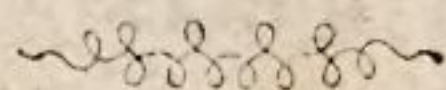
Она придетъ! Къ ея устамъ
Прижмусь устами я моими;
Пріють укромный будетъ намъ
Подъ сими вязами густыми!
Волненьемъ страстнымъ я томимъ.
Но близъ любезной укротимъ
Желаній пылкихъ нетерпѣнье:
Мы ими счастію вредимъ,
И сокращаемъ наслажденье.
(1926)

Не трогайте Парнасского пера,
Не трогайте, пригожія вострушки!
Красавицамъ немного въ немъ добра,
И имъ Амуръ другія далъ игрушки.

Любовь-ли вамъ оставить въ забытїи
Для жалкихъ рифмъ? Надъ рифмами смѣются;
Уносятъ ихъ Летійскія струи;
На пальчикахъ чернила остаются.

(1826)

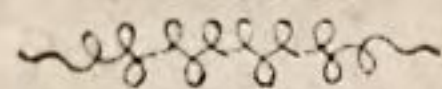

Д. В. ДАВЫДОВУ.

(1826)

Пока съ восторгомъ я внимаю
Повѣствованью славныхъ дѣлъ,
Ношу любовь къ родному краю
И къ пѣснямъ Музъ не охладѣлъ,
Покуда Русскій я душою:
Забуду-ль о счастливомъ днѣ,
Въ который дружеской рукою
Пожалъ Давыдовъ руку мнѣ!
О ты, которой въ дымъ сраженій
Полки лихіе бурно мчаль
И гласомъ пылкихъ пѣснопѣній
Сердца томилъ и волновалъ!

Такъ, такъ! Покуда сердце живо,
И трепетать ему не лѣнь,
Въ воспоминаньи горделиво
Хранить я буду оный день.
Клянусь, Давыдовъ благородный,
Въ томъ лирой, Фебу дорогой,
И въ славный годъ войны народной
Въ народѣ славной бородой!

А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

(1827)

Очарованье красоты

Въ тебѣ не страшно намъ:

Не будишь насъ, какъ солнце, ты

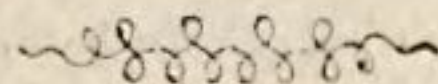
Къ мятежнымъ суетамъ.

Отъ дольней жизни, какъ луна,

Манишь за край земной,

И при тебѣ душа полна

Священной тишиной.

Когда взойдетъ денница золотая,
Горить эфиръ,
И ото сна встаетъ благоухая
Цвѣтущій міръ,
И славить все существованья сладость:
Съ душой твоей
Что въ пору ту? Скажи: живая радость,
Тоска-ли въ ней?

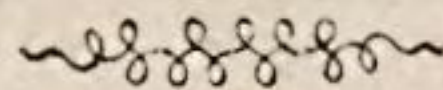
Когда на дѣвъ цвѣтущихъ и привѣтныхъ,
Передъ тобой

Мелькающихъ въ одеждахъ разноцвѣтныхъ,
Глядишь порой,
Глядишь и пьешь ихъ томныхъ вссровъ сладость:
Съ душой твоей
Что въ пору ту? Скажи: живая радость,
Тоска-ли въ ней?

Страдаю я! Изъ-за дубравы дальной
Взойдетъ заря,
Міръ озарить, души моей печальной
Не озаря.
Будь новый день любимцу счастья въ сладость!
Душѣ моей
Противенъ онъ. Что прежде было въ радость,
То въ муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мнѣ долгій взоръ?
Обманчивъ онъ! Знакомъ съ его отравой
Я съ давнихъ поръ.
Обманчивъ онъ! Его живая сладость
Душѣ моей
Страшна теперь. Что прежде было въ радость,
То въ муку ей.

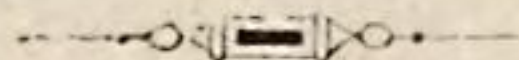
(1827)

Н А Я Д А.

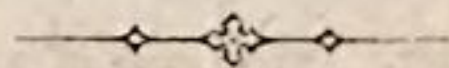
(1827)

Есть гротъ: Наяда тамъ въ полдневные часы
Дремотѣ предаеть усталыя красы.
И часто вижу я, какъ нимфа молодая,
На ложѣ лиственномъ поκειται нагая,
На руку бѣлую, подѣ говоръ ключевой,
Склоняся челомъ, вѣнчаннмъ осокой.

И ты поэтъ, и онъ поэтъ;
Но разницу межъ васъ находятъ:
Его стихи выходятъ въ свѣтъ,
Твои стихи въ печать выходятъ.

(1827)

Б О Г Д А Н О В И Ч У.

(1827)

Въ садахъ Элизія, у водъ счастливой Леты,
Гдѣ благоденствуютъ отжившіе поэты,
О Душенькинъ поэтъ, прими мои стихи!
Никакъ въ писатели попалъ я за грѣхи,
И, надоѣвъ живымъ посланьями своими,
Несчастливымъ мертвецамъ скучать рѣшаюсь ими.
Нѣтъ нужды до того! Хочу въ досужный часъ
Съ тобой поговорить про Русскій нашъ Парнасъ,
Съ тобой, поэтъ живой, затѣйливый и нѣжный,
Всегда плѣнительный, хоть нѣсколько небрежный,
Чертамъ замѣтнѣйшимъ лукавой остроты
Дающій милый видъ сердечной простоты,

И, часто наготу рисуя намъ безчинно,
Почти безстыднымъ быть умѣющій невинно.
Не хладной шалостью, но сердцемъ внушена,
Веселость ясная въ стихахъ твоихъ видна:
Мечты игривыя тобою были пѣты.
Въ печаль влюбились мы. Новѣйшіе поэты
Не улыбаются въ твореніяхъ своихъ,
И на лицѣ земли все какъ-то не по нимъ.
Ну чтожь? Поклонъ, да вонъ! Увы, не въ этомъ дѣло!
Ни жить имъ, ни писать еще не надоѣло,
И правду безъ затѣй сказать тебѣ пора:
Пристала къ Музамъ ихъ Нѣмецкихъ Музъ хандра.
Жуковскій виновать: онъ первый между нами
Вошелъ въ содружество съ Германскими пѣвцами
И сталъ передавать, забывши Божій страхъ,
Жизнехуленья ихъ въ плѣнительныхъ стихахъ.

Прости ему Господь! Но что же? Всѣ мараки
Ударились потомъ въ задумчивыя враки;
У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
Душа увянула, и сердце отцвѣло.
Какъ терпитъ публика безуміе такое,
Ты спросишь? Публикѣ наскучило простое,
Мудреное теперь любезно для нее:
У вѣтка дряхлаго испортилось чутье.

Ты въ лучшемъ вѣкѣ жилъ. Не столько просвѣщенный,
Являлъ онъ бодрый умъ и вкусъ неразвращенный:
Вѣнцы свои дарилъ, и простъ, и толковитъ,
Онъ только истиннымъ любимцамъ Аонидъ.
Но нѣтъ явленія безъ творческой причины:
Сей благодатный вѣкъ былъ вѣкъ Екатерины.
Она любила Музъ, и ты ли позабылъ,

Кто Душеньку твою всѣхъ прежде оцѣнилъ?
Я думаю, въ садахъ, гдѣ свѣтъ безсмертья блещетъ,
Понинѣ тѣнь твоя отъ радости трепещетъ,
Воспоминая день, сей день, когда пѣвца,
Еще за малый трудъ неждавшаго вѣнца,
Она, друзья ея, достойно наградили
И скромнаго его такъ лестно изумили,
Страницы Душеньки читая наизусть.
Сердца завистниковъ стѣснила злая грусть,
И на другой-же день распросы о поэтѣ,
И похвалы ему жужжали въ модномъ свѣтѣ.

Кто вкуса божествомъ теперь служилъ-бы намъ?
Кто въ наши времена, и прозѣ, и стихамъ
Провозглашая судъ разборчивой и правой,
Завѣдывать бы могъ Парнасскою управой?

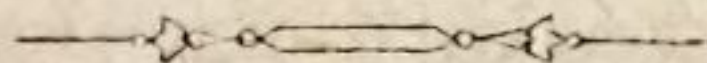
О, добрый нашъ народъ имѣетъ для того
Особенныхъ судей, которые его,
Въ листахъ условленныхъ и въ цѣну приведенныхъ,
Снабжаютъ мнѣніемъ о книгахъ современныхъ.
Даруетъ между насъ и славу и позоръ
Торговой логики смысленый приговоръ.
О нашихъ судіяхъ не смѣю молвить слова.
Но слушай, какъ честятъ они одинъ другаго:
Товарищъ cadaго глупецъ, певѣжда, враль;
Повѣрить надо имъ, хотя повѣрить жаль.

Какъ быть писателю? Въ пустынь благодатной,
Забывши модный свѣтъ, забывши свѣтъ печатной,
Какъ ты, философъ мой, таится безъ грѣха,
Избрать въ совѣтники кота и пѣтуха,

И, въ тишинѣ трудясь для собственнаго чувства,
Въ искусствѣ находить возмездіе искусства!

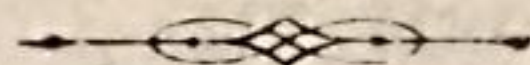
Такъ, вѣку вопреки, въ сей самый вѣкъ у насъ,
Сладкопоющихъ лиръ порою слышенъ гласъ,
Благоуханный дымъ отъ жертвы безкорыстной!
Такъ нѣжный Батюшковъ, Жуковскій живописной,
Неподражаемый, и цѣлую орду
Злыхъ подражателей родившій на бѣду;
Такъ Пушкинъ молодой, сей вѣтренникъ блестящій,
Все подъ перомъ своимъ шутя животворящій
(Тебѣ, я думаю, знакомъ довольно онъ:
Недавно отъ него товарищъ твой Назонъ
Посланье получилъ), любимцы вдохновенья,
Не могутъ побѣдить высокаго влеченья
И между насъ поютъ, какъ нѣкогда Орфей
Между мохнатыхъ пѣлъ, по вѣрѣ старыхъ дней.

А я, владѣющій убогимъ дарованьемъ,
Но рвеніемъ горя полезнымъ быть и имъ,
Я правды красоту даю стихамъ моимъ,
Желаю доказать людскихъ суетъ ничтожность,
И хладной мудрости высокую возможность.
Что́ мыслю, то пишу. Когда-то веселѣй
Я славилъ на зарѣ своихъ цвѣтущихъ дней
Законы сладкіе любви и наслажденья.
Другія времена, другія вдохновенья.
Теперь важнѣй мой умъ, зрѣлѣе мысль моя.
Опять, когда умру, повеселѣю я;
Тогда, безпечныхъ Музъ безпечнаго питомца
Прими, философъ мой, какъ стараго знакомца.

Ты ропщешь, важный журналистъ,
На наше модное маранье;
Все таже пѣсня: „вѣтра свистъ,
Листовъ древесныхъ увяданье“...
Понятно намъ твое страданье:
И безъ того освистанъ ты;
И такъ подваловъ достоянье,
Родясь гниютъ твои листы.

(1827)

А. Н. МУРАВЬЕВУ.

(1827)

Не бойся ѣдкихъ осужденій,
Но упоительныхъ похвалъ:
Не разъ въ чаду ихъ мощный геній
Сномъ разслабленья засыпалъ.

Когда, довѣрясь ихъ измѣнѣ,
Уже готовъ у моды ты
Взять на вѣнокъ своей Каменѣ
Ея тафтяные цвѣты:

Прости, я громко негодую;
Прости, наставникъ и пророкъ:
Я съ укоризной указую
Тебѣ на лавровый вѣнокъ.

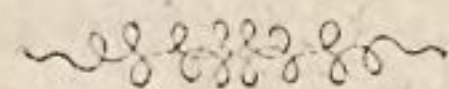
Когда по ребрамъ крѣпко стиснуть
Пегасъ удалымъ сѣдокомъ:
Не горе, ежели прихлыснуть
Его критическимъ хлыстомъ.

Какъ сладить съ глупостью глупца?
Ему въ попадъ не скажешь слова;
Другова проще онъ съ лица,
Но мудренѣй въ житѣ другава.

Онъ всѣмъ превратно пораженъ,
И все на выворотъ онъ видитъ:
И безтолково любить онъ,
И безтолково ненавидитъ.

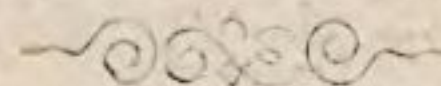
(1827)

Р А З Л У К А.

(1827)

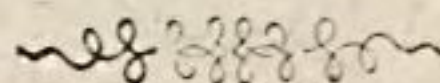
Разстались мы: На мигъ очарованьемъ,
На краткій мигъ была мнѣ жизнь моя:
Словамъ любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьемъ!
Я все имѣлъ, лишился вдругъ всего.
Лишь началъ сонъ.... исчезло сновидѣнье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мнѣ отъ счастья моего.

Сей поцѣлуй, дарованный тобой,
Преслѣдуетъ мое воображенье:
И въ шумѣ дня и въ тишинѣ ночной
Я чувствую его напечатлѣнье!

Сойдетъ-ли сонъ и взоръ сомкнетъ ли мой,
Мнѣ снишься ты, мнѣ снится наслажденье.
Обманъ исчезъ, нѣтъ счастья, и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

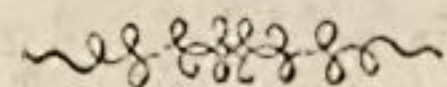
(1827)

Любви примѣты
Я не забылъ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣты!
Въ ней говорить
И жаръ ланить,
И вздохъ случайной....
О, я знакомъ
Съ симъ языкомъ
Любови тайной!
Въ душѣ твоей
Ужъ нѣтъ покоя;

Давнымъ давно я
Читаю въ ней.
Любви примѣты
Я не забылъ,
Я ей служилъ
Въ былыя лѣты.

(1827)

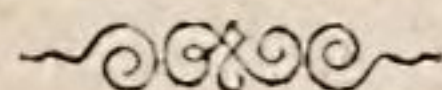

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Подражаніе Мильвуа.

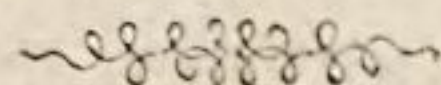
(1828)

На кровы ближняго селенья
Нисходитъ вечеръ; день погасъ.
Покинемъ рощу, гдѣ для насъ
Часы летѣли, какъ мгновенья!
Лель улыбнись, когда изъ ней
Случится дѣвицѣ моей
Унести во взорахъ пламень томный,
Мечту любви въ душѣ своей
И въ волосахъ листокъ нескромный.

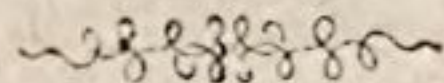
Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла,
Въ мятежномъ пламени страстей
Какъ страшно ты перегорѣла!
Раба томительной мечты,
Въ тоскѣ душевной пустоты,
Чего еще душою хочешь?
Какъ Магдалина плачешь ты,
И какъ русалка ты хохочешь.

(1827)

Идилликъ новый на искусь
Представлень былъ предъ Аполлона.
„Какъ пишетъ онъ?“ спросилъ у Музъ
Богъ безпристрастный Геликона,
„Никакъ негодный онъ поэтъ?“
— Нельзя сказать. — „Съ талантомъ?“ — Нѣтъ.
Ошибокъ важныхъ, правда мало;
Да пишетъ онъ довольно вяло.
— „Я понялъ васъ; въ судъ моемъ
Не озабочусь я нисколько:
Впередъ ни слова мнѣ о немъ,
Изъ списковъ выключить — и только!“

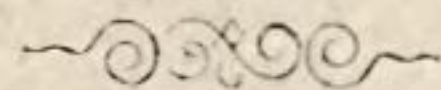
(1827)

ЭПИГРАММА.

(1827)

Окогченная летунья,
Эпиграмма-хохотунья,
Эпиграмма-егоза,
Трется, вьется средь народа
И завидить лишь урода,
Разомъ вцѣпится въ глаза.

ПОСЛѢДНЯЯ СМЕРТЬ.

(1828)

Есть бытіе; но именемъ какимъ
Его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣнье;
Межъ нихъ оно, и въ человѣкѣ имъ
Съ безуміемъ граничитъ разумѣнье.
Онъ въ полнотѣ понятія своего,
А между тѣмъ какъ волны на него
Одни другихъ мятежнѣй, своеправнѣй,
Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ сторонъ.
Какъ будто бы своей отчизнѣ давней,
Стихійному смятенью отданъ онъ.
Но иногда, мечтой воспламененный,
Онъ видитъ свѣтъ другимъ неоткровенный.

Созданье-ли болѣзненной мечты,
Иль дерзкаго ума соображенье,
Во глубинѣ полночной темноты
Представшее очамъ моимъ видѣнье?
Не вѣдаю. Но предо мной тогда
Раскрылися грядущіе года;
Событія вставали, развивались,
Волнуясь подобно облакамъ,
И полными эпохами являлись
Отъ времени до времени очамъ;
И, наконецъ, я видѣлъ безъ покрова
Послѣднюю судьбу всего живаго.

Сначала міръ явилъ мнѣ дивный садъ.
Вездѣ искусствъ, обилія примѣты;

Близъ веси весь и подлѣ града градъ,
Вездѣ дворцы, театры, водометы;
Вездѣ народъ, и хитрый свой законъ
Стихиіи всѣ признать заставилъ онъ:
Ужъ онъ морей мятежныя пучины
На островахъ искусственныхъ селилъ,
Ужъ разсѣкалъ небесныя равнины
По прихоти имъ вымышленныхъ крилъ.
Все на землѣ движеніемъ дышало,
Все на землѣ какъ будто ликовало.

Изчезнули безплодные года;
Оратаи по волѣ призывали
Вѣтра, дожди, жары и холода;
И вѣрною сторицей воздавали

Посѣвы имѣ, и хищный звѣрь исчезъ
Во тьмѣ лѣсовъ, и въ высотѣ небесъ,
И въ безднѣ водъ сраженный человѣкомъ.
И царствовалъ повсюду свѣтлый миръ,
Вотъ, мыслилъ я, прельщенный дивнымъ вѣкомъ,
Вотъ разума великолѣпный пиръ!
Врагамъ его и въ стыдъ и въ поученье,
Вотъ до чего достигло просвѣщенье!

Прошли вѣка. Яснѣтъ очамъ моимъ
Видѣніе другое начинало.
Что человѣкъ? Что вновь открыто имъ?
Я гордо мнилъ, и что-же мнѣ предстало?
Наставшую эпоху я съ трудомъ
Постигнуть могъ смутившимся умомъ.

Глаза мои людей не узнавали.
Привыкшіе къ обилью дольныхъ благъ,
На все они спокойныя взирали,
Что суеты рождало въ ихъ отцахъ,
Что мысли ихъ, что страсти ихъ, бывало,
Влеченіемъ всеильнымъ увлекало.

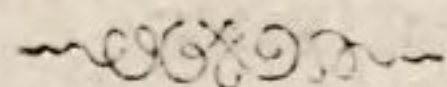
Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубова влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ призывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья.
И въ полное владѣніе свое
Фантазія взяла ихъ бытіе,
И умственной природѣ уступила
Тѣлесная природа между нихъ:

Ихъ въ Эмпирей и въ Хаосъ уносила
Живая мысль на крыліяхъ своихъ;
Но по землѣ съ трудомъ они ступали,
И браки ихъ безплодны пребывали.

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина.
Гдѣ люди, гдѣ? Скрывались въ гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ,
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города,
По нажитамъ загдохнувшимъ блуждали
Безъ пастырей безумныя стада;

Съ людьми для нихъ изчезло пропитанье.
Мнѣ слышалось ихъ гладное блѣянье.

И тишина глубокая во слѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.
Величественъ и грустенъ былъ позоръ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ надъ ней сивѣя вился
И жертвою чистительной дымился.

Р О Д И Н А.

(1828)

Судьбой наложенныя цѣпи
Упали съ рукъ моихъ, и вновь
Я вижу васъ, родныя степи,
Моя начальная любовь.

Степнова неба сводъ желанный,
Степнова воздуха струи,
На васъ я въ нѣгѣ бездыханной
Остановилъ глаза мои.

Но мнѣ увидѣть было слаще
Лѣсъ на покатѣ двухъ холмовъ
И скромный домъ въ садовой чашѣ —
Пріютъ младенческихъ годовъ.

Промчалось ты златое время!
Съ тѣхъ поръ по свѣту я бродилъ
И наблюдалъ людское племя
И наблюдая возскорбилъ.

Ко благу пылкое стремленье
Отъ неба было мнѣ дано;
Но обрѣло ли раздѣленье,
Но принесло ли плодъ оно?...

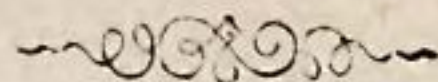
Я братьевъ зналъ, но сны молодые
Соединили насъ на мигъ:
Далече бѣдствуютъ иные,
И въ мірѣ нѣтъ уже другихъ.

Я твой, родимая дуброва!
Но отъ насильственныхъ судьбинъ
Молить хранительнаго крова
Къ тебѣ пришелъ я не одинъ.

Привелъ подъ сѣнь твою святую
Я соучастницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ.

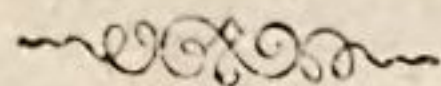
Пускай, пускай въ глуши смиренной,
Съ ней, милой, быть мой утая,
Другихъ урочищей вселенной
Не буду помнить бытія.

Пускай, о свѣтъ не тоскуя,
Предавъ забвенію людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

Люблю деревню я и лѣто,
И говоръ водъ, и тѣнь дубровъ,
И благовоніе цвѣтовъ:
Какой душѣ не мило это?
Быть такъ, прощаю комаровъ!
Но признаюсь — пустыни житель,
Покой пустынный въ ней любя,
Комаръ двуногой, гость-мучитель,
Нѣтъ, не прощаю я тебя!

(1829)

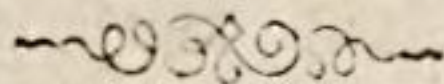

СТАРИКЪ.

(1829)

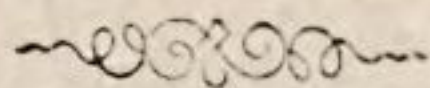
Вѣнчали розы, розы Леля,
Мой первый вѣкъ, мой вѣкъ молодой:
Я былъ счастливый пустомеля
И дѣвамъ нравился порой.
Я помню ласки ихъ живыя,
Лобзанья полныя огня....
Но пролетѣли дни молодые;
Онѣ не смотрять на меня!
Какъ быть? У яркаго камина,
Въ укромной хижинѣ моей,

Накрою столъ, поставлю вина
И соберу моихъ друзей.
Пускай вѣнокъ, сплетенный Лелемъ,
Не обновится никогда:
Года, увѣнчанные хмѣлемъ,
Еще прекрасные года.

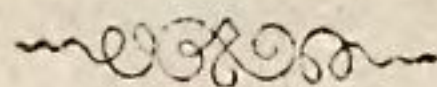
Старательно мы наблюдаемъ свѣтъ,
Старательно людей мы наблюдаемъ
И чудеса постигнуть уповаемъ.
Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ?
Что наконецъ подсмотреть очи зорки?
Что наконецъ пойметъ надменный умъ
На высотѣ всѣхъ опытовъ и думъ,
Что? Точный смыслъ народной поговорки.

(1829)

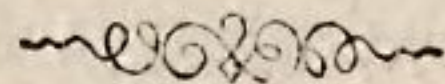
Мой даръ убогъ, и голосъ мой не громокъ,
Но я живу, и на землѣ мое
Кому нибудь любезно бытіе:
Его найдетъ далекій мой потомокъ
Въ моихъ стихахъ. Какъ знать? Душа моя
Окажется съ душой его въ сношеньи,
И какъ нашелъ я друга въ поколѣньи,
Читателя найду въ потомствѣ я.

(1829)

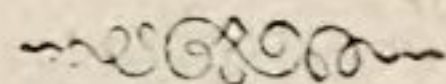

Глупцы не чужды вдохновенья;
Какъ свѣтлымъ дѣтямъ Аонидъ
И имъ оно благоволитъ:
Слетая съ неба, всѣ растенья
Равно весна животворитъ.
Что жъ это сходство знаменуетъ?
Что имъ глупецъ пріобрѣтетъ?
Его капустою раздуетъ,
А лавромъ онъ не расцвѣтетъ.

(1829)

Не подражай: своеобразенъ геній
И собственнымъ величіемъ великъ.
Доратовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ,
Досаденъ ты: не любятъ повтореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ:
Да не творить себѣ кумира онъ!
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный,
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты богъ!

КНЯГИНЬ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(1829)

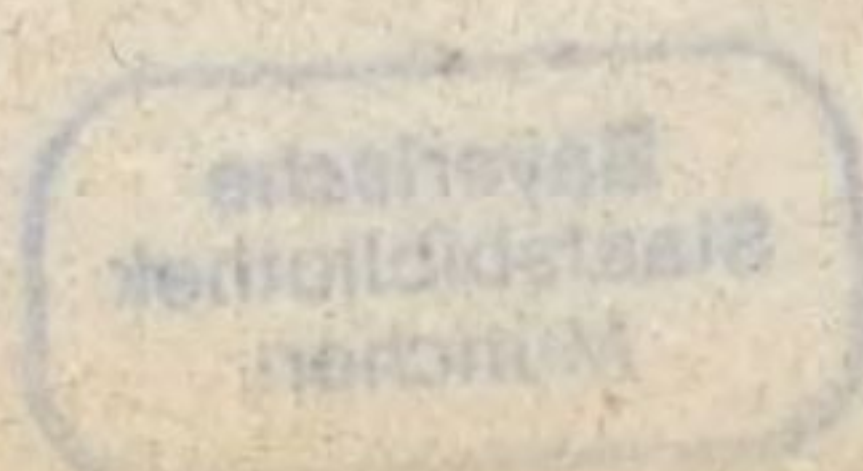
Изъ царства виста и зимы,
Гдѣ, подъ управой ихъ двоякой,
И атмосферу и умы
Сжимаетъ холодъ одинакій,
Гдѣ жизнь какой-то тяжкій сонъ,
Она спѣшитъ на Югъ прекрасный,
Подъ Авзонійскій небосклонъ,
Одушевленный, сладострастный:

Стих. Барат.

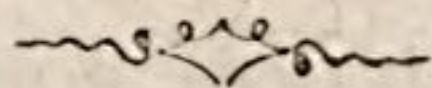
3

Гдѣ въ кущахъ, въ портикахъ палатъ
Октавы Тассовы звучать;
Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
Гдѣ въ новой, чистой красотѣ
Рафаэль дышетъ на холстѣ;
Гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы,
Но гдѣ не стыдно, можетъ быть,
Герои, міра властелины,
Вашъ Капитолій позабытъ
Для Капитолія Корины;
Гдѣ жизнь игрива и легка:
Тамъ лучше ей. Чего же болѣ?
За чѣмъ же тяжкая тоска
Сжимаетъ сердце по неволѣ?

Когда любимая краса
Послѣднимъ сномъ смыкаетъ вѣжды,
Мы полны ласковой надежды,
Что ей открыты небеса,
Что лучшій міръ ей уготованъ,
Что славой вѣчною свѣтло
Тамъ заблеститъ ея чело;
Но скорбный духъ не уврачованъ,
Душѣ стѣсненной тяжело,
И неутѣшно мы рыдаемъ.
Такъ, сердца нашего кумиръ,
Ее печально провожаемъ
Мы въ лучшій край и лучшій міръ.

С М Е Р Т Ъ

(1829)

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболѣпною мечтой
Гробовый оставь ей даруя,
Не ополчу ее косою.

О дочь верховнаго эфира!
О свѣтозарная краса!
Въ рукѣ твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнулъ міръ цвѣтущій
Изъ равновѣсія дикихъ силъ,
Въ твое храненье Всемогущій
Его устройство поручилъ.

И ты летаешь надъ твореньемъ,
Согласье прямъ его лія
И въ немъ, прохладнымъ дуновеньемъ,
Смирняя буйство бытія.

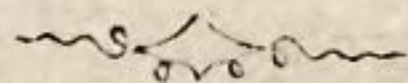
Ты укрощаешь встающій
Въ безумной силѣ ураганъ,
Ты на брега свои бѣгущій
Вспять повращаешь Океанъ.

Даешь предѣлы ты растенью,
Чтобъ не покрылъ гигантскій лѣсъ
Земли губительною тѣнью,
Злакъ не возсталъ бы до небесъ.

А человѣкъ? Святая дѣва!
Передъ тобой, съ его ланить
Мгновенно сходятъ пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжить.

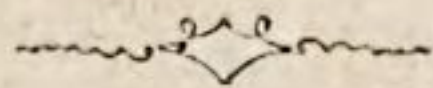
Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоумѣнье, принужденье --
Условия смутныхъ нашихъ дней;
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Хвала, маститый нашъ Зоилъ!
Когда-то Дмитріевъ бѣсилъ
Тебя счастливыми стихами,
Бѣсилъ Жуковскій вслѣдъ за нимъ,
Вотъ Пушкинъ бѣситъ. Какъ любимъ,
Какъ отличенъ ты небесами!
Три поколѣнія пѣвцовъ
Тебя красой своихъ вѣнцовъ
Въ негодованье приводили.
Пекись о здравіи своемъ,
Чтобы подобно первымъ тремъ
Другія три тебя бѣсили.

(1829)

О Т Р Ы В О К Ъ.

(1830)

Онъ.

Подъ этой липою густою
Со мной сядь, мой милый другъ;
Смотри: какъ живо все вокругъ!
Какой зеленой пеленою
Къ рѣкѣ нисходитъ этотъ лугъ!
Какая свѣжая дуброва
Глядится съ берега другова

Въ ея веселое стекло!
Какъ небо чисто и свѣтло!
Все въ тишинѣ; едва смущаетъ
Живую сѣнь и чуткій токъ
Благоуханный вѣтерокъ.
Онъ сердцу счастье навѣваетъ!
Молчишь ты?

Она.

О любезный мой!
Всегда я счастлива съ тобой
И каждый мигъ равно ласкаю.

Онъ.

Я съ умиленною душой
Красу творенья созерцаю.

Отъ этихъ водъ, лѣсовъ и горъ
Я на эфирную обитель,
На небеса подьемлю взоръ
И думаю: великъ Зиждитель,
Прекрасенъ міръ! Когда же я
Вспомню тою же порою,
Что въ этомъ мірѣ ты со мною,
Подруга милая моя....
Нѣтъ сладкимъ чувствамъ выраженья,
И не могу, въ избыткѣ ихъ,
Невольныхъ слезъ благодаренья
Остановить въ глазахъ моихъ.

Она.

Воздай тебѣ, Создатель Вѣчный!
О чемъ еще Его молить?

Ахъ, объ одномъ: не пережить
Тебя, другъ милый, другъ сердечный.

Онъ.

Ты грустной мыслию меня
Смутила. Такъ, сегодня зрѣнье
Плѣняетъ свѣтъ веселый дня,
Плѣняетъ Божіе творенье;
Теперь въ рукѣ моей твою
Я съ чувствомъ пламеннымъ сжимаю,
Твой нѣжный взоръ я понимаю,
Твой сладкій голосъ узнаю....
А завтра.... завтра.... какъ ужасно!
Мертвецъ незрящій и глухой,
Мертвецъ холодный!... Лучъ дневной
Въ глаза ударить мнѣ напрасно;

Вотще къ устамъ моимъ прильнешь
Ты воспаленными устами,
Ко мнѣ съ обильными слезами,
Съ рыданьемъ громкимъ воззовешь!
Я не проснусь! И что мы знаемъ?
Не только завтра, сей же часъ
Меня не будетъ! Кто изъ насъ
Въ земномъ блаженствѣ не смущаемъ
Такою думой?

Она.

Что съ тобой?
За чѣмъ твое воображенье
Предупреждаетъ Провидѣнье?
Богъ милосердъ, другъ милый мой!

Здоровы, молоды мы оба:
Еще далеко намъ до гроба.

Онъ.

Но все-жъ умремъ мы наконецъ,
Все ляжемъ въ землю.

Она.

Что же, милой?
Есть бытіе и за могилой.
Намъ общалъ его Творецъ.
Спокойны будемъ: нѣтъ сомнѣнья,
Мы въ жизнь другую перейдемъ,

Гдѣ намъ не будетъ разлученья,
Гдѣ всѣ земныя опасенья
Съ землею пылью отряхнемъ.
Ахъ, какъ любить безъ этой вѣры!

Сна.

Такъ, Всемогущій безъ нея
Насъ искушалъ бы выше мѣры.
Такъ, есть другое бытіе!
Ужели нѣкогда погубить
Во мнѣ Онъ то, что мыслить, любить,
Чѣмъ Онъ созданье довершилъ,
Въ чемъ, съ горделивымъ наслажденьемъ,
Міръ повторилъ Онъ отраженьемъ
И Самъ Себя изобразилъ?
Ужели творческая сила

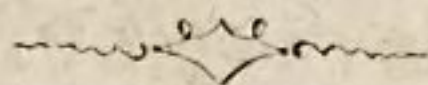
Лукавымъ свѣтомъ бытія
Мнѣ ужасъ гроба озарила,
И только?... Нѣтъ, не вѣрю я.
Что свѣтъ являетъ? Пиръ нестройный,
Презрѣнный властвуетъ, достойный
Поникъ гонимою главой,
Несчастливъ добрый, счастливъ злой.
Какъ! не терпящая смѣшенья
Въ слѣпыхъ стихіяхъ вещества,
На хаосъ нравственный воззрѣнья
Не бросить мудрость Безжества?
Какъ! между братьями своими
Мы видимъ правыхъ и благихъ,
И превзойденъ дѣтьми людскими,
Не правъ, не благъ Создатель ихъ?...
Нѣтъ, мы въ юдоли испытанья,

И есть обитель воздаянья:
Тамъ за могильнымъ рубежемъ,
Сіяетъ день незаходимый,
И оправдается Незримый
Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.

Она.

Зачѣмъ въ такіа размышленья
Ты погружаешься душой?
Ужели нужны, милый мой,
Для убѣжденныхъ убѣжденья?
Премудрость Вышняго Творца
Не намъ изслѣдовать и мѣрить:
Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца

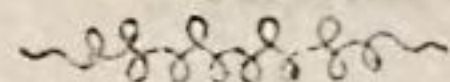
Пойдемъ: грустна я въ самомъ дѣлѣ,
И отъ мятежныхъ словъ твоихъ,
Я признаюсь, во мнѣ доселѣ
Сердечный трепеть не затихъ.

МУЗА.

(1830)

Не ослѣпленъ я Музою моею.
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица необщимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалою.

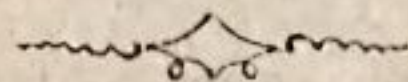
К. А. СВЕРБЕЕВОЙ.

(1830)

Въ небѣ нашемъ исчезаетъ,
И, красой своей горда,
На другое востекаетъ
Переходная звѣзда;
Но на вѣкъ-ли съ ней проститься?
Нѣтъ, предписанъ ей законъ:
Рано-ль, поздно-ль воротиться
На старинный небосклонъ.

Небо наше покидая,
Ты-ли, милая звѣзда,

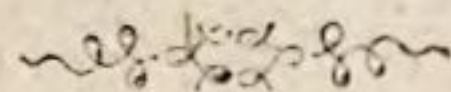
Небесамъ другова края
Передашься навсегда?
Весела красой чудесной,
Потеки въ желанный путь;
Только странницей небесной
Воротись когда нибудь.

Ж У Р Н А Л И С Т Ы.

(1830)

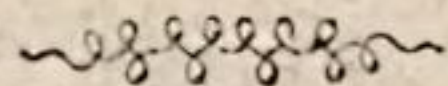
Чтò пользы вамъ отъ шумныхъ вашихъ преній?
Кипитъ война; но что же? Никому
Побѣды нѣтъ! Сказать — и почему?
Ни у кого ни мыслей нѣтъ, ни мнѣній.
Хотите-ли, чтобы народный гласъ
Могъ увѣнчать когонибудь изъ васъ?
Чѣмъ холостой словесной перестрѣлкой
Морочить свѣтъ и множить пустяки,
Порадуйте насъ дѣльною раздѣлкой:
Благословясь, схватитесь за виски.

Чудный градъ порой сольется
Изъ летучихъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется,
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ:

Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты.

(1830)

ПОДРАЖАТЕЛЯМЪ.

(1830)

Когда печалью вдохновенный
Пѣвецъ печаль свою поетъ,
Скажите: отзывъ умиленный
Въ какомъ онъ сердцѣ не найдетъ?
Кто, вѣковыхъ проклятій жадеиъ,
Дерзнетъ осмѣивать ее?
Но для притворства всякій хладенъ,
Плачь подражательный досаденъ,
Смѣшно жеманное вытье.
Не напряженнаго мечтанья
Огнемъ услужливымъ согрѣтъ,
Постигнулъ таинства страданья
Душесутильный поэтъ.

Въ борьбѣ съ тяжелою судьбою
Позналъ онъ мѣру вышнихъ силъ,
Сердечныхъ судорогъ цѣною
Онъ выраженье ихъ купилъ.
И вотъ нетлѣнными лучами
Ликъ пѣснопѣвца окружонъ,
И чтимъ земными племенами
Подобно мученику онъ.
А ваша Муза площадная,
Тоской заемною мечта
Родить участіе въ сердцахъ,
Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной,
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ.

Въ дни безграничныхъ увлеченій,
Въ дни необузданныхъ страстей,
Со мною жилъ превратный геній
Наперсникъ юности моей.

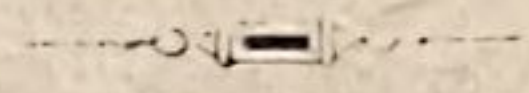
Онъ жаръ восторговъ несогласныхъ
Во мнѣ питалъ и раздувалъ;
Но соразмѣрностей прекрасныхъ
Въ душѣ носилъ я идеалъ:

Когда лишь праздниковъ смятенья
Алкалъ безумецъ молодой,
Поэта мѣрныя творенья
Блистаи стройной красотой.

Страстей порывы утихаютъ,
Страстей мятежныя мечты
Передо мной не затмѣваютъ
Законовъ вѣчной красоты;

И поэтическаго міра
Огромный очеркъ я узрѣлъ,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотѣлъ.

(1832)

НА СМЕРТЬ ГЕТЕ.

(1833)

Предстала, и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ! Но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что просить у сердца отвѣта:

Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья;
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна,

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!

И ежели жизнью земною

Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,

И насъ за могильной доскою,

За міромъ явленій, не ждетъ ничего:

Творца оправдаетъ могла его.

И если загробная жизнь намъ дана,

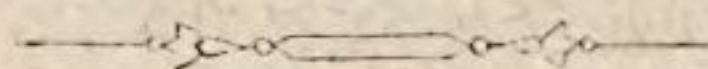
Онъ, здѣшней вполне отдышавшій

И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна

Все дольное долу отдавшій,

Къ предвѣчному легкой душой возлетитъ,

И въ небѣ земное его не смутитъ.

ЗАПУСТѢНІЕ.

(1834)

Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь,
Не въ дни веселые живительнаго Мая,
Когда, зелеными вѣтвями помавая,
Манишь ты путника въ свою густую тѣнь:
Когда ты вѣешь ароматомъ
Тобою бережно взлелѣянныхъ цвѣтовъ.
Подъ очарованный твой кровъ
Замедлилъ я моимъ возвратомъ.

Въ осенней наготѣ стояли деревья
И непривѣтливо чернѣли;
Хрустѣла подъ ногой замерзлая трава,
И листья мертвые волнуясь шумѣли;
Съ прохладой рѣзкою дышалъ
Въ лице мнѣ запахъ увяданья.
Но не весенняго убранства я искалъ,
А прошлыхъ лѣтъ воспоминанья.

Душей задумчивый, медлительно я шелъ
Съ годовъ младенческихъ знакомыми тропами.
Художникъ опытный ихъ нѣкогда провелъ.
Увы, рука его изглажена годами!
Стези загложіа, мечтаешь, пѣшеходъ
Случайно протопталъ. Сошелъ я въ доль завѣтный,
Доль, первыхъ думъ моихъ делѣятель привѣтный!
Пруда знакомаго искалъ красивыхъ водъ,

Искалъ прыгучихъ водъ мнѣ памятной каскады;

Тамъ, думалъ я, къ душѣ моей

Толпою полетятъ видѣнья прежнихъ дней...

Вотще! Лишенные хранительной преграды,

Далече воды утекли:

Ихъ ложе поросло травою,

Пріютъ хозяйственный въ немъ улья обрѣли,

И легкая тропа исчезла предо мною.

Ни въ чемъ знакомаго мой взоръ не обрѣталъ!

•

Но вотъ, по прежнему, лѣсистымъ косогоромъ,

Дорожка смѣлая ведетъ меня.... обвалъ

Вдругъ поглотилъ ее.... Я сталъ

И глубь нежданную измѣрилъ грустнымъ взоромъ;

Съ недоумѣніемъ искалъ другой тропы.

Иду я: гдѣ бесѣдка тлѣетъ,

И въ прахѣ передъ ней лежать ея столпы,
Гдѣ остовъ мостика дряхлѣть.
И ты, величественный тротъ,
Тяжело-каменный, постигнуть разрушеньемъ
И угрожаешь ужъ паденьемъ,
Бывало, въ лѣтній зной, прохлады полный сводъ!
Что-жь? Пусть минувшее минуло сномъ летучимъ!
Еще прекрасенъ ты, заглохшій Елизей,
И обаяніемъ могучимъ
Исполненъ для души моей.
Тотъ не былъ мыслию, тотъ не былъ сердцемъ хладенъ,
Кто, безымянной нѣги жаденъ,
Ихъ своенравный бѣгъ тропамъ симъ указалъ:
Кто, преклоняя слухъ къ таинственному шуму
Сихъ кленовъ, сихъ дубовъ, въ душѣ своей питалъ
Ему сочувственную думу.

Давно, кругомъ меня о немъ умолкнулъ слухъ,
Пріяла прахъ его далекая могила,
Мнѣ память образа его не сохранила,
Но здѣсь еще живетъ его доступный духъ;
Здѣсь, другъ мечтанья и природы,
Я познаю его вполне:

Онъ вдохновеніемъ волнуется во мнѣ,
Онъ славить мнѣ велитъ лѣса, долины, волны;
Онъ убѣдительно пророчитъ мнѣ страну,
Гдѣ я наслѣдую несрочную весну,
Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,
Гдѣ въ сладостной тѣни невянущихъ дубровъ,
У нескудѣющихъ ручьевъ,
Я тѣнь священную мнѣ встрѣчу.

Наслаждайтесь: все проходит!
То благой, то строгій къ намъ,
Своенравно рокъ приводитъ
Насъ къ утѣхамъ и къ бѣдамъ.

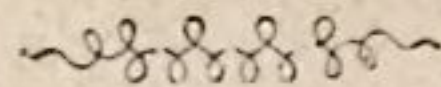
Чуждъ онъ долгаго пристрастья.
Вы, чья жизнь полна красы,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.

Не ропщите: все проходитъ,
И ко счастью иногда

Неожиданно приводитъ
Насъ суровая бѣда.

И веселью, и печали,
На измѣнчивой землѣ,
Боги праведные дали
Одинакія крилѣ.

(1834)

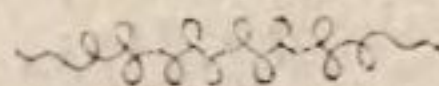

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
Въ указанныхъ берегахъ, по склону ихъ русла;
Ель величавая стоитъ гдѣ возросла,
Невластная сойти. Небесныя свѣтила,
Назначеннымъ путемъ, невѣдомая сила
Влечетъ. Бродячій вѣтръ неволенъ, и законъ
Его летучему дыханью положенъ.

Удѣлу своему и мы покорны будемъ,
Мятежныя мечты смиримъ иль позабудемъ;
Рабы разумные, послушно согласимъ
Свои желанія со жребіемъ своимъ,

И будетъ счастлива, спокойна наша доля.
Безумецъ! Не она-ль, не вышняя-ли воля
Даруетъ страсти намъ?.....
О, тягостна для насъ.....
Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною,
И въ грани узкія вѣсенная судьбою.

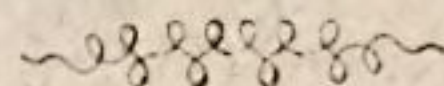
(1834)

Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ
Я искушалъ ее сначала:
Она словамъ моимъ внимала
Съ тупымъ безсмысленнымъ лицомъ.
Въ ней разбудить огонь желаній
Еще надежду я хранилъ
И сладострастныхъ лобызаній
Языкъ живой употребилъ....
Она глядѣла также тупо,
Потомъ разгнѣвалась глупо.

Бѣги за нею, модный свѣтъ,
Плѣняйся дѣвой идеальной!
Владѣю тайной я печальной:
Ни сердца въ ней, ни пола нѣтъ.

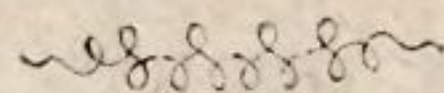
(1834)

Когда исчезнетъ омраченье
Души болѣзненной моей?
Когда увижу разрѣшенье
Меня опутавшихъ сѣтей?
Когда сей демонъ, наводящій
На умъ мой сонъ его мертвящій,
Отыдетъ, чадный, отъ меня,
И я увижу лучъ блестящій
Всеозаряющаго дня?
Освобожусь воображеньемъ
И крылья духа подыму
И пробужденнымъ вдохновеньемъ
Природу снова обниму?

Вотще-ль мольбы? Напрасны-ль пѣни?
Увижу-ль снова ваши сѣни
Сады поэзіи святой?
Увижу-ль вась, ея свѣтила?
Вотще! Я чувствую, могла
Меня живато приняла
И, легкій даръ мой удушая,
На грудь мнѣ дума роковая
Гробовой насыпью легла.

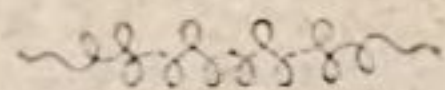
(1834)

Я не любилъ ея: я зналъ,
Что не она пойметъ поэта,
Что на языкъ души, душа въ ней безъ отвѣта.
Чего-жъ безумецъ въ ней искалъ?
За чѣмъ стихи мои звучали
Ея восторженной хвалой,
И малодушно возвѣщали
Ея владычество и плѣнъ постыдный мой?
За чѣмъ ввѣрять я съ умиленьемъ
Ей всѣ мечты души моей?....
Туманъ упалъ съ моихъ очей:
Ея бѣгу я съ отвращеньемъ!

Такъ, омраченные виномъ,
Мы недостойному порою
Жмемъ руку дружеской рукою,
Привѣтствуемъ его съ осклабленнымъ лицомъ,
Краснорѣчиво изливаемъ
Всѣ думы сердца передъ нимъ;
Ошибки темное сознаніе хранимъ,
Но блажь досадную напрасно укрощаемъ
Умомъ взволнованнымъ своимъ.
Очнувшись, странному забвенію дивимся,
И незаконнаго наперсника стыдимся,
И отъ противнаго лица его бѣжимъ.

(1834)

Волящій духъ врачуеть иѣснопѣнье.
Гармоніи таинственная власть
Тяжелое искупить заблужденье
И укротить бунтующую страсть.
Душа пѣвца, согласно излитая,
Разрѣшена отъ всѣхъ своихъ скорбей;
И чистоту поэзія святая,
И миръ отдастъ причастницѣ своей.

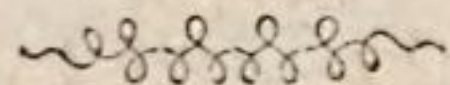
(1834)

КЪ Н. Л. БАРАТЫНСКОЙ.

(1834)

О, вѣрь: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ.
Скажу-ль? Мнѣ иногда докучно вдохновенье:
Мѣшаетъ мнѣ его волненье
Дышать любовью въ тишинѣ!
Я сердце предаю сердечному союзу.
Приди, мечты мои разсѣй;
Ласкай, ласкай меня, о другъ души моей!
И покори себѣ бунтующую Музу.

Есть милая страна, есть уголь на землѣ,
Куда, гдѣ бъ ни были: средь буйственного стана,
Въ садахъ Армидиныхъ, на быстромъ кораблѣ
Браздящемъ весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей;
Гдѣ, чужды низменныхъ страстей,
Житейскимъ подвигамъ предѣль мы назначаемъ,
Гдѣ міръ надѣмся забыть когда нибудь
И вѣжды старыя сомкнуть
Последнимъ, вѣчнымъ спомъ желаемъ.

.
.

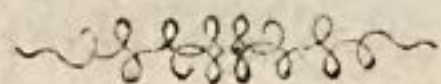
Я помню ясный, чистый прудъ;
Подъ сѣнію березъ вѣтвистыхъ,
Средь мирныхъ водъ его, три острова цвѣтутъ.
Свѣтлѣя нивами межъ рощъ своихъ волнистыхъ,
За нимъ встаетъ гора, предъ нимъ въ кустахъ шумить
И брызжетъ мельница. Деревня, лугъ широкой,
А тамъ счастливый домъ.... Туда душа летитъ.
Тамъ не хладѣлъ бы я и въ старости глубокой!
Тамъ сердце томное, больное обрѣло
Отвѣтъ на все что въ немъ горѣло,
И снова для любви, для дружбы расцвѣло
И счастье вновь уразумѣло.

За чѣмъ же томный вздохъ и слезы на глазахъ?
Она, съ болѣзненнымъ румянцемъ на щекахъ,
Она, которой нѣтъ, мелькнула предо мною.

Стих. Барат.

Почій, почій легко подѣ дерномъ гробовымъ:
Воспоминаніемъ живымъ
Не разлучимся мы съ тобою!
Мы плачемъ.... Но прости! Печаль любви сладка,
Отрадны слезы сожалѣнья!
Не то холодная, суровая тоска,
Сухая скорбь разувѣренья.

(1834)

Гдѣ сладкій шопоть
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропоть,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и доли.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣть,
Все цѣпенѣть;

Лишь вѣтеръ злой
Бушуя воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

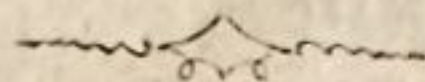
За чѣмъ тоскуя
Въ окно слѣжу я
Мятели летъ?
Любимцу счастья
Кровь отъ ненастья
Оно даетъ.
Огонь трескучій
Въ моей печи;
Его лучи
И пыль летучій

Мнѣ веселятъ
Безпечный взглядъ.
Въ тиши мечтаю
Передъ живой
Его игрой
И забываю
Я бури вой.

О Провидѣнье,
Благодаренье!
Забуду я
И дуновенье
Бурь бытія.
Скорбя душою,
Въ тоскѣ моей,

Склонюсь главою
На сердце къ ней.
И подъ мятежной
Мятелю бѣдъ,
Любовью нѣжной
Ея согрѣтъ,
Забуду вскорѣ
Крутое горе,
Какъ въ этотъ мигъ
Забылъ природы
Гробовый ликъ
И непогоды
Мятежный крикъ.

(1834)

Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.

Весна, весна! Какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!

Шумять ручьи, блестя ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ!

Еще древа обнажены;
Но въ рощѣ ветхій листъ,
Какъ прежде, подъ моей ногой,
И шуметь, и душистъ.

Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ
Незримый жавронокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.

Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей,
И съ птичкой птичка! Съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней!

Зачѣмъ такъ радуютъ ее
И солнце, и весна?
Ликуетъ ли, какъ дочь стихій,
На пирѣ ихъ она?

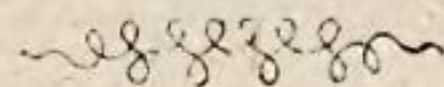
Что нужды! Счастливъ, кто на немъ
Забвенье мысли пьетъ,
Кого далеко отъ нее
Онъ дивный унесетъ!

1834)

Бывало, отрокъ, звонкимъ кликомъ
Лѣсное эхо я будилъ,
И вѣрный откликъ въ лѣсѣ дикомъ
Меня смятенно веселилъ.
Пора другая наступила:
И рюма юношу плѣнила,
Лѣсное эхо замѣня.
Игра стиховъ, игра златая!
Какъ звуки звукамъ отвѣчая,
Бывало, нѣжили меня!
Но все проходитъ. Остываю
Я и къ гармоніи стиховъ:
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

(1834)

СУМЕРКИ.

(Стихотворенія 1835—1842 годовъ).

1.

ПОСЛѢДНІЙ ПОЭТЪ.

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.
Изчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопочуть поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла.
Въ ней опять цвѣтутъ науки,
Носить понтъ торговли грузъ,
Но не слышны лиры звуки
Въ первобытномъ раѣ Музъ!

Блестить зима дряхлѣющаго міра,
Блестить! Суровъ и блѣденъ человѣкъ;
Но зелены въ отечествѣ Омира
Холмы, лѣса, брега лазурныхъ рѣкъ.
Цвѣтетъ Парнасъ! Предъ нимъ, какъ въ оны годы,
Кастальскій ключъ живой струею бьетъ.
Послѣдній сынъ Аттической природы,
Возникъ Поэтъ: идетъ онъ и поетъ.

Воспѣваетъ простодушной
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету.
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля.

Поклонникамъ Ураніи холодной
Поетъ, увы! онъ благодать страстей:
Какъ пажити Эоль бурноподобной,
Плодотворятъ онѣ сердца людей.
Живительнымъ дыханіемъ развита,
Фантазія подъемлется отъ нихъ,

Какъ нѣкогда возникла Афродита
Изъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.

И за чѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Жаркимъ сердцемъ покоримся
Думамъ хладнымъ, а не имъ!
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ откровеньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ. Персты
Онъ на струнахъ своихъ остановилъ,
Сомкнулъ уста вѣщать полуотверсты,
Но гордая главы не преклонилъ.

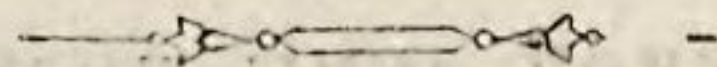
Стопы свои онъ въ мысляхъ направляетъ
Въ нѣмую глушь, въ безлюдный край; но свѣтъ
Ужъ празднаго вертепа не являетъ,
И на землѣ уединенья нѣтъ.

Человѣку непокорно
Море синее одно:
И свободно, и просторно,
И привѣтливо оно;
И лица не измѣнило
Съ дня, въ который Аполлонъ
Поднялъ вѣчное свѣтило
Въ первый разъ на небосклонъ.

Оно шумить передъ скалой Левкада.
На ней, пѣвецъ, мятежной думы полнъ,

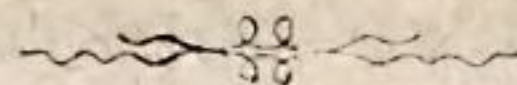
Стоить.... Въ очахъ блеснула вдругъ отрада:
Сія скала..... тѣнь Сафо!... голосъ волнъ....
Гдѣ погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жаръ,
Тамъ погребетъ питомецъ Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный даръ!

И по прежнему блистаетъ
Хладной роскошю свѣтъ:
Серебрить и позлащаетъ
Свой безжизненный скелетъ.
Но въ смущеніе приводитъ
Человѣка гласъ морской,
И отъ шумныхъ водъ отходитъ
Онъ съ тоскующей душой!

2.

Предразсудокъ! Онъ обломокъ
Давней правды. Храмъ упалъ,
А руинъ его потомокъ
Языка не разгадалъ.
Гонить въ немъ нашъ вѣкъ надменной,
Не узнавъ его лица,
Нашей правды современной
Дряхлѣтняго отца.
Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай,
Но пристойную могилу,
Какъ уснетъ онъ, предку дай.

3.

П Р И М Ъ Т Ы.

Пока человѣкъ естества не пыталъ
Горниломъ, вѣсами и мѣрой;
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;

Покуда природу любилъ онъ, она
Любовью ему отвѣчала.
О немъ дружелюбной заботы полна,
Языкъ для него обрѣтала.

Почуя бѣду надъ его головой,
Вранъ каркалъ ему въ опасенье,
И замысла, въ пору смирясь предъ судьбой,
Воздерживалъ онъ дерзновенье.

На путь ему выбѣжавъ изъ лѣсу, волкъ,
Крутятся и подьема щетину,
Побѣду пророчилъ, и смѣло свой полкъ
Бросалъ онъ на вражью дружину.

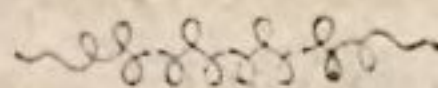
Чета голубиная, вѣя надъ нимъ,
Блаженство любви прорицала.
Въ пустынь безлюдной онъ не былъ однимъ:
Нечуждая жизнь въ ней дышала.

Но чувство презрѣвъ, онъ довѣрилъ уму,
Вдался въ суету изысканій,
И сердце природы закрылось ему,
И нѣтъ на землѣ прорицаній.

4.

Филлида, съ каждою зимою,
Зимою новою своею,
Пугаетъ пущей наготою
Своихъ старушечьихъ плечей.
И, Афродита гробовая,
Подходить, словно къ ложу сна,
За ризой ризу опуская,
Къ одру послѣднем у она.

5.

Б О К А Л Ъ.

Полный влагой искрометной,
Зашипѣлъ ты, мой бокалъ!
И покрылъ туманъ привѣтной
Твой озябнувшій кристалъ...
Ты не встрѣченъ братьей шумной,
Буйныхъ оргій властелинъ:
Сластолюбецъ вольнодумной,
Я сегодня пью одинъ!

Чѣмъ душа моя богата,
Все твое, о другъ Аи!
Нынѣ мысль моя не сжата,
И свободны сны мои.
За струею вдохновенной
Не разсѣянъ данникъ твой
Безтолково-оживленной,
Разногласною толпой.

Мой восторгъ неосторожный
Не обидитъ никого,
Не откроетъ дружбѣ ложной
Таинъ счастья моего,
Не смутитъ глупцовъ ревнивыхъ
И торжественныхъ невѣждъ

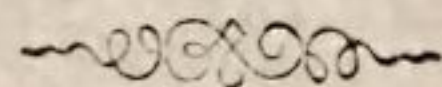
Изліаньемъ горделивыхъ
Иль святыхъ моихъ надеждъ!

Вотъ теперь со мной бесѣдуй,
Своеправная струя!
Упоевья проповѣдуй,
Иль отравы бытія;
Сердцу милая преданья
Благодатно оживи,
Или прошлая страданья
Мнѣ на память призови!

О, бокаль уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатлѣнья,
Словно чашей круговой:

Плодороднѣй, благороднѣй,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесныя мечты.

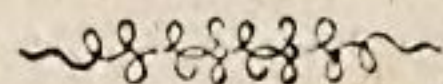
И одинъ я пью отнынѣ!
Не въ людскомъ шуму пророкъ,
Въ нѣмотствующей пустынѣ
Обрѣтаетъ свѣтъ высокъ!
Не въ безплодномъ развлеченнѣ
Общежительныхъ страстей,
Въ одинокомъ упоеннѣ
Мгла падетъ съ его очей!

6.

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!
Въ день ненастный, часъ гнетучій,
Грудь подыметъ вздохъ могучій,
Бойкой пѣснью разольется:
Скорбь-невзгода распоется!

А какъ вѣкъ-то, вѣкъ-то старой
Обручится съ лютой карой:
Грузъ двойной съ груди усталой
Ужъ не сбросить вздохъ удалой.
Не положишь ты на голосъ
Съ черной мыслью бѣлый волосъ!

7.

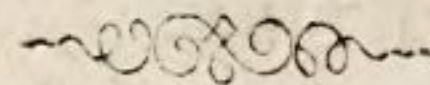
На что вы дни? Юдольный міръ явленья
Свои не измѣнить!
Всѣ вѣдомы, и только повторенья
Грядущее сулить.

Не даромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша:
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!

И тѣсный кругъ подлунныхъ впечатлѣній
Сомкнувшая давно,

Подъ вѣяньемъ возвратныхъ сновидѣній
Ты дремлешь; а оно

Безсмысленно глядитъ, какъ утро встанетъ,
Безъ нужды ночь смѣня;
Какъ въ мракъ ночной безплодный вечеръ канетъ,
Вѣнецъ пустаго дня!

8.

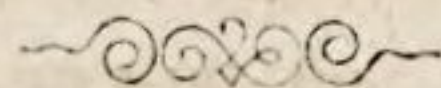
А Х И Л Л Ъ.

Влага Стикса закалила
Древней силы полноту,
И кипящаго Ахилла
Сопротивникамъ явила
Уязвимымъ лишь въ пяту.

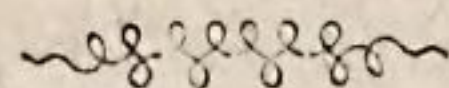
Обреченъ борьбѣ верховной,
Ты-ли, долею своей

Равенъ съ нимъ, боецъ духовной,
Сынъ купели новыхъ дней?

Омовенъ ея водою,
Знай, страданью надъ собою
Волю полную ты далъ.
И одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталъ!

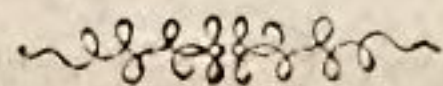

Сначала, мысль воплощена
Въ поэму сжатую поэта,
Какъ дѣва юная темна
Для невнимательнаго свѣта.
Потомъ, осмѣлившись, она
Уже увертлива, рѣчиста,
Со всѣхъ сторонъ своихъ видна,
Какъ искушенная жена,
Въ свободной прозѣ романиста.
Болтунья старая за тѣмъ
Она, подѣмля крикъ нахальной,
Плодитъ въ полемикѣ журнальной
Давно ужъ вѣдомое всѣмъ.

10.

Еще какъ патріархъ не древенъ я. Моей
Главы не умастилъ таинственный елей:
Непосвященныхъ рукъ бездарно возложенъе,
И я даю тебѣ мое благословенъе
Во знаменъи иномъ, о дѣва красоты!
Подъ этой розою главой склонись, о ты,
Подобіе цвѣтовъ царицы ароматной,
Въ залогъ румяныхъ дней и доли благодатной.

11.

О С Е Н Ь.

И вотъ Сентябрь! Замедля свой восходъ
Сіяньемъ хладнымъ солнце блещетъ,
И лучъ его, въ зеркалѣ зыбкомъ водъ,
Невѣрнымъ золотомъ трепещетъ.
Сѣдая мгла вѣется вокругъ холмовъ,
Росой затоплены равнины,
Желтѣетъ сѣнь кудрявая дубровъ,
И красенъ круглый листъ осины,

Умолкли птицъ живые голоса,
Безмолвенъ лѣсъ, беззвучны небеса!

И вотъ Сентябрь! И вечеръ года къ намъ
Подходить. На поля и горы
Уже морозъ бросаетъ по утрамъ
Свои сребристые узоры.
Пробудится ненастливый Эоль;
Предъ нимъ помчится прахъ летучій;
Качаяся завоюетъ роща; долъ
Покроетъ листь ея падучій;
И набѣгутъ на небо облака,
И потемнѣвъ заплѣнится рѣка.

Прощай, прощай, сіяніе небесъ!
Прощай, прощай, краса природы!

Волшебнаго шептанья полный лѣсъ,
Златочешуйчатая воды!
Веселый сонъ минутныхъ лѣтнихъ нѣгъ!
Вотъ эхо, въ рощахъ обнаженныхъ,
Сѣкирою тревожитъ дровосѣкъ,
И скоро, снѣгомъ убѣленныхъ,
Своихъ дубровъ и холмовъ зимній видъ
Застылый токъ туманно отразить.

А между тѣмъ досужій селянинъ
Плодъ годовыхъ трудовъ собираетъ:
Сметавъ въ стога скошенный злакъ долины,
Съ серпомъ онъ въ поле поспѣшаетъ.
Гуляетъ серпъ. На сжатыхъ бороздахъ
Снопы стоятъ въ копнахъ блестящихъ,

Иль тянутся, вдоль жнивы, на возахъ,
Подъ тяжелой ношею скрипящихъ,
И хлѣбныхъ скирдъ золотоверхій градъ
Подъемлется кругомъ крестьянскихъ хатъ.

Дни сельскаго, святаго торжества!
Овины весело дымятся,
И цѣпь стучить, и съ шумомъ жернова
Ожившей мельницы крутятся.

Иди зима! На строги дни себѣ
Припасъ оратай много блага;
Отрадное тепло въ его избѣ,
Хлѣбъ-соль и пѣнистая брага.
Съ семьей своей вкуситъ онъ, безъ заботъ,
Своихъ трудовъ благословенный плодъ!

А ты, когда вступаешь въ осень дней
Оратай жизненнаго поля,
И предъ тобой во благостынь всей
Является земная доля;
Когда тебѣ житейскія бразды,
Трудъ бытія вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды,
И спѣетъ жатва дорогая,
И въ зернахъ думъ ее собираешь ты,
Судебъ людскихъ достигнувъ полноты:

Ты также-ли какъ земледѣль богатъ?
И ты какъ онъ съ надеждой сѣяль;
И ты какъ онъ о дальнемъ днѣ наградъ
Сны позлащенные делѣяль...

Любуйся-же, гордись возставшимъ имъ,
Считай твои пріобрѣтенья!...

Увы, къ мечтамъ, страстямъ, трудамъ мірскимъ
Тобой скопленныя презрѣнья,
Язвительный, неотразимый стыдъ
Души твоей обмановъ и обидъ!

Твой день взошелъ, и для тебя ясна
Вся дерзость юныхъ легковѣрій;
Испытана тобою глубина
Людскихъ безумствъ и лицемѣрій.
Ты, нѣкогда всѣхъ увлеченій другъ,
Сочувствій пламенный искатель,
Блистательныхъ тумановъ царь, и вдругъ
Безплодныхъ дебрей созерцатель,

Одинъ съ тоской, которой смертный стонъ
Едва твоей гордыней задушонъ.

Но если-бы негодованья крикъ,
Но если-бъ вопль тоски великой
Изъ глубины сердечныя возникъ
Вполнѣ торжественный и дикой:
Костями-бы среди своихъ забавъ

Содроглась вѣтреная младость,
Играющій младенецъ, зарыдавъ,
Игрушку-бъ выронилъ, и радость
Покинула-бъ чело его на вѣкъ,
И заживо-бъ въ немъ умеръ человѣкъ!

Зови-жъ теперь на праздникъ честный міръ!
Спѣши, хозяинъ тароватый!

Проси, сажай гостей своихъ за пиръ

Затѣйливый, замысловатый!

Что лакомству пророчить онъ утѣхъ!

• Какимъ разнообразьемъ брашенъ

Блится онъ!... Но вкусъ одинъ во всѣхъ,

И какъ могила людямъ страшенъ:

Садись одинъ и тризну соверши

По радостямъ земнымъ твоей души!

Какое-же потомъ въ груди твоей

Ни водворится озаренье,

Чѣмъ думъ и чувствъ ни разрѣшится въ ней

Послѣднее вихревлещенье:

Пусть въ торжествѣ насмѣшливомъ своемъ,

Умъ безполезный сердца трепеть

Угломонить, и тщетныхъ жалобъ въ немъ

Удушить запоздалый лепетъ

И применишь ты, какъ лучшій жизни кладъ,
Даръ опыта, мертвящій душу хладъ.

Иль, отряхнувъ видѣнія земли

Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя невдали,

Цвѣтущій берегъ за мглою черной,
Возмездій край, благовѣстящимъ снамъ

Довѣрясь чувствомъ обновленнымъ,
И, бытія мятежнымъ голосамъ

Въ великомъ гимнѣ примиреннымъ.
Внимающій какъ арфамъ, коихъ строй
Превыспренній, не понять былъ тобой:

Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ

Падешь, съ признательнымъ смиреньемъ,

Съ надеждою, не видящей границъ,
И утоленнымъ разумѣньемъ.

Знай, внутренней своей во вѣки ты

Не передашь земному звуку;

И легкихъ чадъ житейской суеты

Не посвятишь въ свою науку:

Знай, горняя, иль дольная она

Намъ на землѣ не для земли дана.

Вотъ буйственно несется ураганъ,

И лѣсъ подьмлетъ говоръ шумной,

И пѣнится, и ходитъ Океанъ,

И въ берегъ бьетъ волной безумной:

Такъ иногда толпы лѣнивый умъ

Изъ усыпленія выводитъ

Гласъ, пошлый гласъ, вѣщатель общихъ думъ,

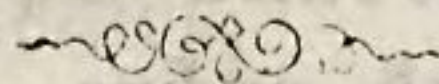
И звучный отзывъ въ ней находитъ;

Но не найдеть отзыва тотъ глаголь,
Чтò страстное земное перешоль.

Пускай, принявъ неправильный полетъ
И вснять стези не обрѣтая,
Звѣзда небесъ въ бездонность утечетъ;
Пусть замѣнитъ ее другая:
Не явствуется землѣ ущербъ одной,
Не поражаетъ ухо міра
Паденія ея далекій вой,
Равно какъ въ высотахъ Эфира
Ея сестры новорожденный свѣтъ
И небесамъ восторженный привѣтъ.

Зима идетъ, и тощая земля
Въ широкихъ лысинахъ безсилья,

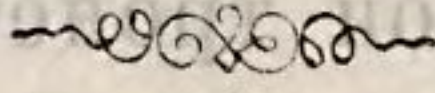
И радостно блиставшія поля
Златыми класами обилья,
Со смертью жизнь, богатство съ нищетой,
Всѣ образы години бывшей
Сравняются подъ снѣжной пеленой,
Однообразно ихъ покрывшей:
Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ,
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ!

МОЛИТВА.

(1841)

Царь небесъ! Успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли,
И на строгій Твой рай
Силы сердцу подай.

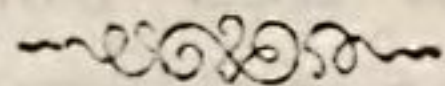
ПАМЯТЬ ПОЭТУ.

(1842)

(На смерть Лермонтова.)

Когда твой голосъ, о Поэтъ,
Смерть въ высшихъ звукахъ остановить,
Когда тебя во цвѣтѣ лѣтъ
Нетерпѣливый рокъ уловить,
Кого закатъ могучихъ дней
Во глубинѣ сердечной тронетъ?
Кто въ отзывъ гибели твоей
Стѣсненной грудію возстонетъ,

И тихій гробъ твой посѣтитъ,
И надъ умолкшей Аонидой
Рыдая пепель твой почтитъ
Нелицемѣрной панихидой?
Никто! Но сложится пѣвцу
Канонъ намеднишнимъ Зоиломъ,
Уже кадящимъ мертвецу,
Чтобы живыхъ задѣть кадиломъ.

Спасибо злобѣ хлопотливой,
Хвала вамъ, недруги мои!
Я, не усталый, но лѣнивый,
Ужъ пилъ Летійскія струи;

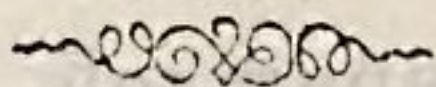
Слегка сѣдѣющій мой волосъ
Любилъ, за право на покой;
Но вотъ, къ борьбѣ глухой вашъ голосъ
Меня зоветъ и будить мой.

Спасибо вамъ, я не въ утратѣ!
Какъ богоизбранный Еврей,

Остановили на закатѣ
Вы солнце юности моей.

Спасибо! Молодость вторую,
И человѣческимъ сынамъ
Досель безвѣстную, пирую
Я, въ зависть Флакку, въ славу вамъ.

(1842—1843)

Стих. Барат.

Люблю я васъ, богини пѣнья;
Но вашъ чарующій находъ,
Сей сладкій трепеть вдохновенья —
Предтечей жизненныхъ невзгодъ.

Любовь Камень съ враждой Фортуны
Одно. Молчу! Боюсь я,
Чтобъ персты, падшіе на струны,
Не пробудили бы перуны,
Въ которыхъ спитъ судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
Отъ Музы ласковой ко мнѣ
И говорю: до завтра звуки!
Пусть день угаснетъ въ тишинѣ.

(1842—1843)

НА ПОСѢВЪ ЛѢСА.

(1842—1843)

Опять весна, опять смѣется лугъ,
И весель лѣсъ своей молодой одеждой,
И поселянъ неутомимый плугъ
Браздить поля съ покорствомъ и надеждой.

Но нѣтъ уже весны въ душѣ моей,
Но нѣтъ уже въ душѣ моей надежды;
Ужъ дольний міръ уходитъ отъ очей,
Предъ вѣчнымъ днемъ я опускаю вѣжды.

Ужъ та зима главу мою сребритъ,
Чтò грѣетъ сѣвѣ для будущаго міра;
Но прагъ земли не перешель піитъ,
Къ ея сынамъ еще взываетъ лира.

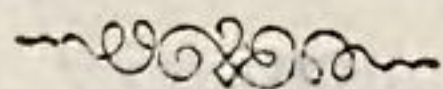
Великъ Господь! Онъ милосердъ, но правъ.
Нѣтъ на землѣ ничтожнаго мгновенья;
Прощаетъ Онъ безумію забавъ,
Но никогда пирамъ злоумышленья.

Кого измялъ души моею порывъ,
Тотъ вызвать могъ меня на бой кровавой;
Но подо мной, сокрытый ровъ изрывъ,
Свои рога вѣнчалъ онъ грозной славой.

Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,
Любилъ, ласкалъ ихъ пустоцвѣтный колось;
Я дни извелъ, стучась къ людскимъ сердцамъ,
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ.

Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ струны я.
Да хрящъ другой мнѣ будетъ плодоносень!
И вотъ ему несетъ рука моя
Зародыши елей, дубовъ и сосень.

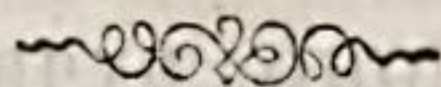
И пусть! Простяся съ лирою моею,
Я вѣрую: ее замѣнятъ эти,
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучія и сумрачныя дѣти.

Н. Л. БАРАТЫНСКОЙ.

(1844)

Когда, дитя и страсти и сомнѣнья
Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя —
Рѣшилась ты дѣлить его волненья,
Въ немъ тайнство печали полюбя.
Ты, смѣлая и кроткая, со мною
Въ мой дикій адъ сошла рука съ рукою:
Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь.
О, сколько разъ къ тебѣ, святой и нѣжной,
Я приникалъ главою моею мятежной,
Съ тобою себѣ и небу вѣря вновь.

П И Р О С К А Ф Ъ.

(1844)

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьютъ въ нашъ корабль Средиземныя волны.
Вотъ надъ кормою сталъ капитанъ.
Визгнулъ свистокъ •его. Братствуя съ паромъ,
Вѣтру нашъ парусъ раздался не даромъ:
Пѣнясь глубоко вздохнулъ океанъ!

Мчимся: колеса могучей машины
Роютъ волнистое лоно пучины,

Парусъ надулся. Берегъ изчезъ.
Наединѣ мы съ морскими волнами;
Только что чайка вьется за нами
Бѣлая рѣя межъ водъ и небесъ.

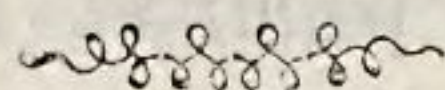
Только, вдали, океана жилища,
Чайкѣ подобна водъ, его птица,
Парусъ развѣвъ какъ большое крыло,
Съ бурной стихіей въ томительномъ спорѣ,
Лодка рыбацья качается въ морѣ:
Съ берегомъ набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставилъ за мною;
Вынесъ я много смятенной душою
Радостей ложныхъ, истинныхъ золь;
Много мятежныхъ рѣшилъ я вопросовъ,

Прежде чѣмъ руки Марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь, надежды символъ!

Съ дѣтства влекла меня сердца тревога
Въ область свободную влажнаго бога:
Жадныя длани я къ ней простиралъ!
Темную страсть мою днесъ награждая,
Кротко щадить меня немочь морская:
Пѣною здоровья брызжетъ мнѣ валъ!

Нужды нѣтъ: близко-ль, далеко-ль до берега!
Въ сердцѣ къ нему приготовлена нѣга.
Вижу Тетиду: мнѣ жребій благой
Емлетъ она изъ лазоревой урны.
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизій земной!

ДЯДЬКЪ - ИТАЛЬЯНЦУ.

(1844)

Вѣглецъ Итали, Жьячинто, дядька мой,
Янтарный виноградъ, лимонъ ея златой
Тревожно бросившій, корыстью уязвленный,
И въ край, суровый край, снѣгами покровенный,
Приставшій съ выборомъ загадочныхъ картинъ,
Гдѣ что-то различалъ и видѣлъ ты одинъ —
Прости нашъ здравый смыслъ: прости, мы та изъ націй,
Гдѣ брату вашему всѣхъ меньше спекуляцій.

Никто ихъ не купилъ. Вздохнувъ, оставилъ ты
Въ глушь Сѣвера тебя привлекшія мечты;
За то воскресъ въ тебѣ сей умъ, на все пригодный,
Твой Италіянскій умъ, и съ нашимъ очень сходный.
Ты счастливъ былъ, когда тебѣ коѣ-что далъ
Почтенный, для тебя богатый генералъ,
Чтобъ, въ силу строгаго съ тобою договора,
Ты далъ мнѣ благодать не Русскаго надзора.
Благодаря боговъ, съ тобой за этимъ въ слѣдъ,
Другъ другу не были мы чужды двадцать лѣтъ.

Москва насъ приняла, разставшихся съ деревней.
Ты былъ вожатый мой въ столицѣ нашей древней.
Всѣхъ макаронщиковъ тогда узналъ я въ ней,
Ментора моего полуденныхъ друзей.

Увы! Оставивъ тамъ могилу дорогую,
Опять увидѣли мы вотчину степную,
Гдѣ волею небесъ узналъ я бытіе,
О сынъ Авзоніи, для бурь, какъ ты свое;
Но гдѣ, вдали твоей отчизны знойной,
Ты мирный кровъ обрѣлъ, и позже гробъ спокойной.

Ты полюбилъ тебя призрѣвшую семью
И, съ жизнію ея сливая жизнь свою,
Ея событьями, въ глуши чужова края,
Былаго своего преданья заглушая,
Безропотно сносилъ морозы нашихъ зимъ.
Въ нашъ краткій лѣтній жаръ, тобсю былъ любимъ
Оврагъ подъ сѣнію дубовъ прохладовѣйныхъ.
Участникъ нашихъ слезъ и праздниковъ семейныхъ,

Въ дни траура главой сѣдой ты поникалъ;
Но ускорялъ шаги и членами дрожалъ,
Какъ въ утро зимнее, порой, съ предѣловъ свѣта,
Питомца твоего, недавняго корнета,
Къ колѣнамъ матери кибитка принесетъ,
И скорбный взоръ ея минутно оживетъ.

Но что! Радушному предѣлу благодарной,
Нѣтъ, ты не забывалъ отчизны лучезарной!
Везувій, Колизей, гротъ Капри, храмъ Петра,
Имѣлъ ты на устахъ отъ утра до утра;
Именовалъ ты намъ и принцевъ и прелатовъ
Земли, гдѣ зрѣлъ дивясь Суворовскихъ солдатъ,
Входящихъ (вопреки тѣхъ пламенныхъ часовъ,
Что, по твоимъ словамъ, со стогновъ гонять псовъ)

Въ густой пыли побѣдъ, въ грозѣ небритыхъ бородъ,
Рядами стройными въ классическій твой городъ;
Земли, гдѣ годъ спустя, тебѣ предсталъ и онъ,
Тогда Буонапартъ, потомъ Наполеонъ,
Минутный царь царей, но дивный кондотьеръ,
Ужъ зиждущій свои гигантскія потери.

Скрывая власти гладъ, тогда морочилъ васъ
Онъ звонкой пустотой революціонныхъ фразъ.
Народъ ему зажегъ привѣтственные плашки;
Но ты, ты не забылъ серебряныя ложки,
Которыя, среди блестящихъ общихъ грезъ,
Ты контрибуціи назначенной принесть:
Едва ты узнику печальному Британца
Простилъ военную систему Корсиканца.

Что на твоёмъ вѣку, то-ль благо, то-ли зло
Возникло при тебѣ, въ преданье перешло.
Въ Альпійскихъ молніяхъ, пріемлемый опалой,
Свой ратоборный духъ, на битвѣ неусталой,
Въ картечи эпиграммъ Суворовъ испустилъ.
Злодѣй твой на скалѣ пустынной опочилъ;
Ты самъ глаза сомкнулъ, когда мірскія сѣти
Ужъ поняли тобой взлелѣянные дѣти;
Когда, свидѣтели превратностей судьбы,
Они глубокій взоръ уставить ужъ могли,
Забвенья чуждыя за жизненною чашей,
На Итальянскій гробъ въ оградѣ церкви нашей.

А я, я, съ памятью живыхъ твоихъ рѣчей,
Увидѣлъ роскоши Италіи твоей!

Во славѣ солнечной Неаполь твой нагорной,
Въ парахъ пурпуровыхъ и въ зелени узорной,
Неувядаемой, — амфитеатръ дворцовъ
Надъ яркой пеленой лазоревыхъ валовъ;
И Цицероновъ домъ, и злачную пещеру.
Священную поднесь Камены суевѣру,
Гдѣ спитъ великій прахъ властителя стиховъ,
Того, кто въ сей землѣ волкановъ и цвѣтовъ,
И ужасовъ и вѣгъ, взлелѣялъ Эпопею
Гдѣ въ мраки Тартара открылъ онъ путь Энею,
Явилъ его очамъ чудесный садъ утѣхъ,
Обитель сладкую тѣней блаженныхъ тѣхъ,
Что, крѣпки въ опытахъ земнаго треволненья,
Сподобились вкусить эфирныхъ струй забвенья.

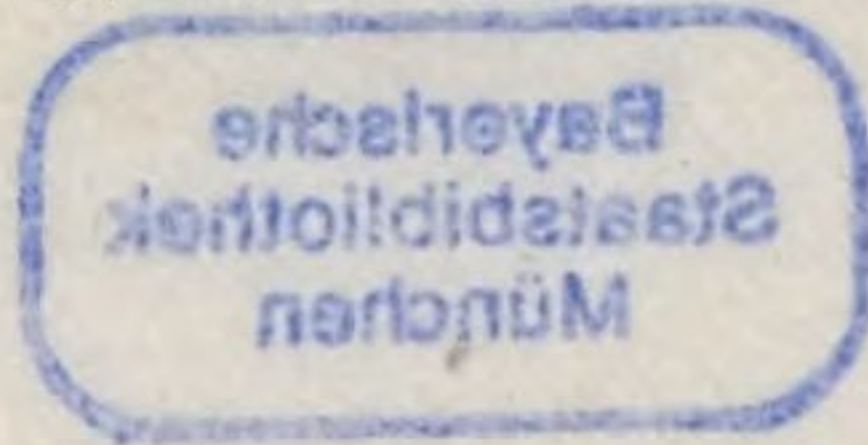
Неаполь! До него среди садовъ твоихъ
Сердца мятежныя отыскивали ихъ.

Сквозь занавѣсъ вѣковъ еще здѣсь помнятъ виллы
Пріюты отдоховъ и Марія и Силлы.
И кто, безчувственный, среди твоихъ красоть,
Не жаждалъ въ ихъ раю обрѣсть навѣсъ, иль гротъ,
Гдѣ-бъ скрылся (не на часъ, какъ эти полубоги,
Здѣсь Лету пившіе, чтобъ крѣпнуть для тревоги)
Но чтобъ незримо слить въ безсмыслии златомъ
Сонъ нѣги сладостной съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ.

И въ сей Италиі, гдѣ все — каскады, розы,
Мелезы, тополи и даже эти лозы!
Чей безымянный листъ такъ преданно обликъ
Давно изъ Божества разжалованный ликъ,
Потомъ съ чела его повиснулъ полусонно: —
Все беззаботному дыханью благосклонно,
Ужиться ты не могъ, и, помня сладкій югъ,
Духъ предалъ строгому дыханью нашихъ вьюгъ,

Не сѣтуя о томъ, что за предѣлы міра
Онъ улетѣть бы могъ на крыліяхъ Зефира!

О тайны душъ! межъ тѣмъ какъ сумрачный поэтъ,
Дитя Британіи, влачившій столько лѣтъ
По знойнымъ берегамъ груди своей отравы,
У миртовъ, у оливъ, у моря и у лавы
Моля разсѣянья отъ думы роковой,
Владѣющей его измученной душой,
Напрасно! (устъ его, какъ древле устъ Тантала,
Струя желанная насмѣшливо бѣжала!) —
Миръ сердцу твоему далъ пасмурный навѣсъ
Метелью полгода скрываемыхъ небесъ,
Отчизна тощихъ мховъ, стеной и древъ иглистыхъ!
О спи! безгрезно спи въ предѣлахъ нашихъ льдистыхъ.

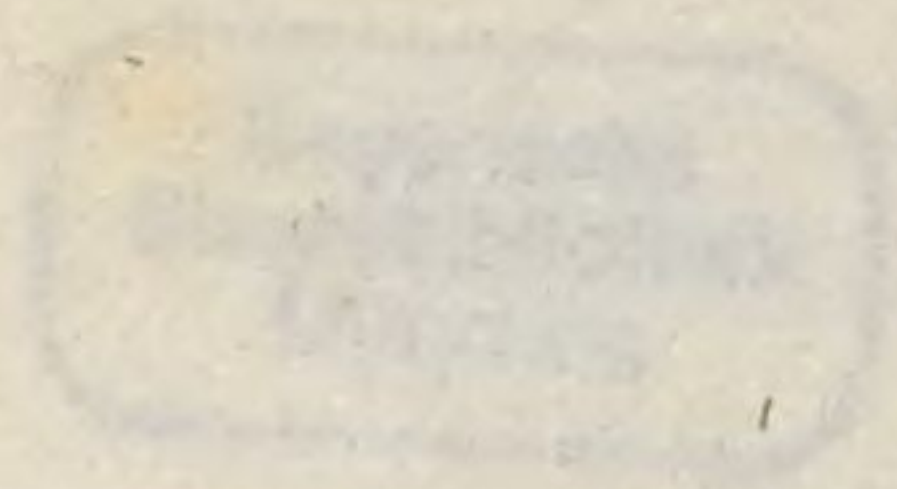

Делѣй по своему твой подземельный сонъ.
Нашъ бурнодышущій, полночный Аевилонъ,
Не хуже вѣющій забвеньемъ и покоемъ,
Чѣмъ вздохи южные съ полуденнымъ алоемъ.

154

Bayerische
Staatsbibliothek
München

- 154 -

Baratynskij, Evgenij Abramovič,

Stichotvorenija Evgenija Abramoviča Baratynskago

Moskva 1883

P.o.russ. 164 e

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680473-5